

Мельник из Анжибо

Автор:

Жорж Санд

Мельник из Анжибо

Жорж Санд

Собрание сочинений #13

Жорж Санд (1804–1876) – псевдоним французской писательницы Авроры Дюпен-Дюдеван, чье творчество вдохновлялось искренними идеями борьбы против социальной несправедливости, за свободу и счастье человека. В ее многочисленных романах и повестях идеи освобождения личности (женская эмансипация, сочувствие нравственно и социально униженным) сочетаются с психологическим воссозданием идеально-возвышенных характеров, любовных коллизий. Путеводной нитью в искусстве для Жорж Санд был принцип целесообразности, блага, к которому нужно идти с полным пониманием действительности, с сознанием своей правоты, с самоотречением и самозабвением.

Главный герой романа «Мельник из Анжибо» Большой Луи – человек, наделенный душевным благородством, ясным умом, верностью в любви и дружбе. Признавая, что образ Луи несколько идеализирован, Жорж Санд осталась верна своему эстетическому принципу «воплощать идеальный мир в мире реальном».

Жорж Санд

Мельник из Анжибо

ПОСВЯЩАЕТСЯ СОЛАНЖ ***[1 - Соланж ***. – Роман посвящен дочери Жорж Санд, Соланж Дюдеван. Жорж Санд верила, что только следующему поколению

суждено обрести истину. «Пусть придет царство истины. Я верю в нее, хотя хорошо знаю, что ее царство будет не для того поколения, в котором живу я», – пишет она Сент-Беву в письме от 7 июля 1845 г.]

Дитя мое, будем искать вместе.

От автора

Этот роман, как многие другие, был задуман под впечатлением прогулки, встречи, в день досуга, в часы отдыха. Всем, кто писал когда-либо – хорошо ли, плохо ли – произведения художественные или даже научные, известно, что восприятие явлений отвлеченных очень часто отправляется от восприятия явлений материальных. Например, падение с дерева яблока натолкнуло Ньютона на открытие одного из величайших законов мироздания. Это особенно справедливо в отношении замысла романа, который рождается обычно в силу столкновения художника с каким-нибудь событием или явлением. В научном творчестве мысль извлекает из факта самую его сущность. В творении же художественном воображение, даже самое ограниченное, дополняет и украшает этот факт. Будет ли это произведение выдающееся или посредственное – значения не имеет: в том и другом случае метод мышления один и тот же.

Так вот, у нас в долине есть прелестная мельница под названием Анжибо. Мельника я не знала, но была знакома когда-то с владельцем мельницы. Это был уже пожилой человек, который, сблизившись в Париже с господином Робеспьером (как он всегда называл его), забросил свое имение, и вокруг плотины пышно разрослось все, что только хотело здесь расти: ольха и ежевика, дуб и камыш. Река, предоставленная самой себе, растеклась по пескам и лугам целой сетью мелких ручейков, которые летом, в мелководье, покрывались густой водяной растительностью. Но старый хозяин умер, и топор сделал свое дело. Сколько хворосту было наломлено, сколько досок напилено в этом миниатюрном девственном лесу! Однако там сохранилось еще несколько прекрасных деревьев, много быстрых ручьев, небольшое прохладное озеро, кусты могучего терновника – лианы наших лесов. Но этот заглохший уголок рая, который в 1844 году так поразил и очаровал меня и моих детей, превратился теперь в самый обычный пейзаж.

Замок Бланшесмон с его прекрасными далями, старинным парком и фермой существует в том же виде, как я его описала, но называется он иначе, а Бриколены – персонажи вымышленные. Сумасшедшую, которой отведена такая значительная роль в романе, я встретила в другом месте, – это была девушка, которая тоже помешалась из-за любви. Она произвела на меня и моих спутников очень тяжелое впечатление, и хотя мы сделали двадцать лье пешком, чтобы полюбоваться великолепными развалинами аббатства времен Возрождения, мы поспешили уйти оттуда. Несчастливая облюбовала это грустное место для своих нескончаемых однообразных и печальных прогулок. Точно огнем была выжжена трава под ее ногами – огнем отчаяния.

Жорж Санд

Ноан, 5 сентября 1852[2 - Роман «Мельник из Анжибо» был написан Жорж Санд в 1844 году. Некоторые исследователи утверждают, что первоначальное название романа было «Пролетарий». В. Каренин в известной работе о Жорж Санд считает, что она хотела назвать роман «На сегодня» (или «По теперешним временам»; французское просторечие «Au jour d'aujourd'hui» не имеет точного эквивалента в русском языке), воспроизведя любимое выражение одного из героев романа, деревенского богача Бриколена. Согласно договору от 30 апреля 1844 года, роман должен был появиться в газете «Конститусьонель», как и предыдущее произведение Жорж Санд «Жанна». Но издатель газеты Луи Верон, испуганный слишком смелыми социальными тенденциями романа, отказался его печатать. Тогда писательница предлагает свое произведение редактору газеты «Реформ» Луи Блану, социалисту и республиканцу, взгляды которого были во многом близки Жорж Санд. «Я знаю только одного буржуа, который действительно предан народу всем сердцем, – пишет она в одном из писем. – Это Луи Блан, молодой человек, обладающий прекрасным талантом и очень одаренный». В этой газете «Мельник из Анжибо» и печатается отдельными фельетонами с 21 января по 19 марта. Белинский называл Жорж Санд одним из создателей социального романа во Франции. «Мельник из Анжибо» – произведение, где судьбы героев, разработка характеров, движение сюжета, – все подчинено раскрытию четко обозначенной общественной проблемы. Недаром первоначальное название романа подчеркивало его злободневность. В это время Жорж Санд увлекается философией П. Леру и сотрудничает в его «Ревю Эндепандант», активно участвует в создании газеты «Эклерер де л'Эндр», призванной сыграть оппозиционную роль по отношению к правительственному печатному органу в Берри, где, как известно, находилось имение Жорж Санд – Ноан. Она пишет целый ряд статей, посвященных политическим и социальным

вопросам: положению народа, соотношению действия и теории в перестройке общественной жизни, организации общества на принципах справедливости, равенства и добра. По существу те же идеи нашли отражение в романе «Мельник из Анжибо». Молодая аристократка Марсель де Бланшмон хочет отказаться от состояния, унаследованного ею и ее сыном; известие о том, что она разорена, даже радует ее; деньги, которые после многих испытаний все же ей достаются, она делит со своими друзьями-крестьянами, чтобы организовать что-то вроде общины, каждый член которой будет трудиться на благо всех остальных и где все будут счастливы. И хотя для Жорж Санд это был только один, и даже не самый важный, способ борьбы за прекрасное будущее, она была убеждена, что честный человек должен воплощать в жизнь все, что может способствовать прогрессу. Поступок Марсели – это протест против эгоистических устремлений общества, управляемого «новой аристократией – дворянством кошелька». «Не будем завидовать тем, кому удастся быть счастливым среди несчастий!.. Чем радоваться с ними, я предпочла бы страдать еще больше, чем страдала», – восклицает Жорж Санд в одном из писем. Разногласия между различными социальными доктринами казались Жорж Санд борьбой сект, которые тратят время на споры, но не в состоянии сделать что-либо в реальной действительности. Истина должна быть открыта не сухим рассуждением, но сердцем, если оно не развращено обществом, основанным на угнетении. Таков путь Марсели, и в этом она противопоставлена своему возлюбленному Лемору. Лемор ищет теорию, которая сразу открыла бы истину. Пока же эта теория не найдена, его ум, запутавшийся в противоречиях, заставляет его отказываться от жизни и любви и парализует всякую деятельность. Жорж Санд не могла полностью принять ни одно из существовавших тогда учений утопического социализма, хотя выдвинутая Шарлем Фурье идея создания фаланг в какой-то мере отразилась в «Мельнике из Анжибо». Но она была убеждена, что настоящее счастье заключается в том, чтобы трудиться на пользу другим. Особое значение получают вопросы воспитания. Ребенок не должен быть развращен богатством и праздностью. Лемор говорит Марсели: «Оградим же твоего сына от зла, насколько это будет в наших силах, привьем ему любовь к добру и стремление к истине! Его поколение, быть может, откроет ее». Надежда Жорж Санд на будущее опиралась на ее глубокую веру в народ, в его силу, разум и органически присущее ему чувство справедливости. Он сам поднимется, когда придет время, сломает все старое и отжившее и найдет истину. Даже самый сильный и благородный ум может увидеть ее только смутно, потому что он одинок. Истина станет очевидной лишь тогда, когда к ней будут стремиться все. «Сейчас не то время, когда великие люди облагораживают умы своих современников. Теперь массы просвещают великие умы», – утверждает Жорж Санд. Развивая идеи, высказанные многими историками еще в эпоху

Реставрации, Жорж Санд полагает, что только народ способен ощутить «потребности эпохи», и поэтому никому, кроме него самого, не дано знать, пришло ли время великой революции. Он ее «желает, торопит, возвещает и совершит», но не потому, что понимает законы общественного развития, а благодаря чувству, инстинкту. Политическая ситуация в стране только укрепляла это убеждение. Либеральная партия, оппозиционная по отношению к режиму Июльской монархии, не хотела, да и не могла бы предпринять решительные меры для переустройства общества. Жорж Санд хорошо это понимала. Воплощением истинного народного духа в романе выступает мельник Большой Луи. Он наделен душевным благородством, ясным умом, здравым смыслом, верностью в любви и дружбе. Его достоинства – не только его личные качества. Они присущи ему как представителю лучшей части французского народа. Таковы же его мать-мельничиха и бедная крестьянка Пюлетта. Противопоставление Большого Луи и Лемора еще более очевидно, чем Лемора и Марсели. Именно под влиянием Луи Лемор возвращается к Марсели и проникается идеями тем более справедливыми, что они «естественны». Жорж Санд признавала, что образ Большого Луи несколько идеализирован. Обращаясь к рабочему поэту Шарлю Понси, она пишет: «Изображайте всегда народ, его душу и его ум, не таким, каким он, по большей части, является сейчас, а таким, каким он должен быть, каким он будет, благодаря... тем, кто раздувает священный огонь, который дремлет в нем вот уже шесть тысяч лет». В изображении мельника Луи Жорж Санд использовала свой эстетический принцип «воплощать идеальный мир в мире реальном». Для Жорж Санд идеал – понятие, не оторванное от реальности, не выдуманное, но порожденное самой жизнью. Когда художник рисует свой идеал, современникам кажется, что это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Но когда идеал осуществляется, оказывается, что жизнь далеко превзошла догадки художника. Поэтому художник не может слепо копировать действительность, она должна быть озарена «светом истины». Этот свет и позволил Жорж Санд увидеть в простых людях черты и качества человека будущего и нарисовать мельника Луи, «представителя живых сил и благородных инстинктов простого народа во Франции» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. IX. М., 1955. С. 408.). Этим же эстетическим принципом руководствовалась Жорж Санд и в изображении Марсели де Бланшмон и Анри Лемора. Белинский упрекал автора в том, что эти герои не соответствуют требованиям художественного романа, потому что они – «мечтатели, переслащенные до приторности». Жорж Санд хотела показать, как могут поступить те представители господствующего класса, которые осознали несправедливость всего общественного строя. Действительно, немногие из среды, к которой принадлежала Жорж Санд, с такой решительностью следовали своим убеждениям. И все-таки эти

идеализированные герои, по словам Чернышевского, производили «сильное и благородное впечатление, противодействуя господствующей мелочности, холодности и пошлостью бездушию» (Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. III. М., 1947. С. 342.). Самый жизненный персонаж «Мельника из Анжибо» – богатый арендатор Бриколен с его страстью к наживе, человек, нашедший себя в атмосфере Июльской монархии. Он утверждает: «На сегодня все идет к лучшему: всякий может наживаться, и ничего лучшего никогда не изобретут». Бриколен совершенно реален и вместе с тем типичен для той эпохи. В письме к издателю Жорж Санд писала: «Взгляните, не покажется ли он вам слишком тривиальным. Мне-то представляется, что он неплох: он оригинален именно потому, что зауряден». Белинский отмечал реальность этого образа, а Герцен приводил его имя как нарицательное для того, чтобы обозначить алчность, скупость, страсть к обогащению. «Мельник из Анжибо» – произведение, в котором автор скорее обрисовал насущные проблемы современности, чем решил их. Но, по глубокому убеждению Жорж Санд, писатель не может оставаться в стороне от того, что волнует общество. Именно поэтому роман вызвал одобрение русских революционных демократов. В 1845 году «Мельник из Анжибо» выходит сразу в двух русских издательствах, а в 1846 году появляется рецензия Белинского («Отечественные записки», 1846, т. 44, № 1-2). В наше время роман вошел во второй том Избранных сочинений Жорж Санд (1950), в 1958 году был издан отдельной книгой, а в 1973 году в составе Собрания сочинений.]

День первый

I

Вступление

На колокольне церкви Святого Фомы Аквинского пробило час ночи, когда еле заметная черная тень скользнула мимо высокой, осененной деревьями каменной ограды одного из тех прекрасных садов, которые еще изредка попадаются в Париже на левом берегу Сены и так пленяют жителей столицы. Ночь была теплая и ясная. Цветущий дурман разливал упоительный аромат; в лучах луны

его высокие стебли казались белыми призраками. Монументальный подъезд особняка Бланшемонов еще хранил следы бывшего великолепия, а большой, содержащийся в порядке сад усиливал впечатление роскоши этого тихого дома, где сейчас уже погасли все огни.

Над садом светила яркая луна, и это слегка тревожило молодую женщину в трауре, которая направлялась по самой темной аллее к небольшой калитке в конце ограды. Однако она шла обычным решительным шагом, ибо не в первый раз приходилось ей рисковать своим добрым именем ради возвышенной любви, которая уже перестала быть запретной: месяц тому назад молодая женщина овдовела. Укрываясь в тени густых кустов акации, женщина незаметно достигла потайного выхода в узкую безлюдную улочку.

Почти в то же мгновение калитка отворилась, и тот, кого она ждала, осторожно вошел и молча последовал за своей возлюбленной к небольшой оранжерее. Войдя в нее, они заперли за собой дверь. Но, повинувшись безотчетному чувству стыдливости, молодая баронесса де Бланшесмон поспешила зажечь по-видимому заранее припасенную здесь свечу; она вынула из кармана крошечную сафьяновую коробочку и высекла искру. Молодой человек, робкий и почтительный, с простодушным усердием помогал ей. Он был так счастлив, что может любоваться ею!

Окна оранжереи были закрыты глухими деревянными ставнями. Скамейка, несколько пустых ящиков, садовые инструменты и тонкая свеча, вставленная в надтреснутый цветочный горшок, – такова была обстановка и освещение этого, теперь заброшенного, будуара, некогда служившего для тайных свиданий какой-то маркизе.

Ее правнучка, белокурая Марсель, была одета с той скромностью и строгой простотой, какая подобает целомудренной вдове. Чудесные золотистые волосы, падавшие на косынку из черного крепа, были единственным ее украшением; нежные белые руки и изящные ножки в атласных туфельках – единственным доказательством ее аристократического образа жизни. Впрочем, ее можно было принять и за подругу молодого человека, стоявшего перед ней на коленях, за парижскую гризетку[3 - Гризетка – от французского слова «grisette» – та, что носит скромное серое платье. Во французской буржуазной литературе – тип городской девушки-работницы мастерских или магазинов.], ибо чело иной гризетки достойно венца королевы или ореола святой.

Черты Анри Лемора были скорее приятны, чем красивы, и выражали ум и благородство. Густые черные волосы подчеркивали суровую бледность смуглого лица. В нем можно было сразу угадать дитя Парижа – сильный духом, он был слаб телом. Простая опрятная одежда выдавала его скромное положение, а небрежно завязанный галстук свидетельствовал не то о презрении к моде, не то о рассеянности человека, поглощенного своими мыслями; и стоило взглянуть на его коричневые перчатки, чтобы убедиться, что он, – как сказали бы слуги особняка Бланшемонов, – не годился их госпоже ни в мужья, ни в любовники.

Молодая чета – они были почти в одном возрасте – уже не раз проводила в этом павильоне отрадные часы под таинственным покровом ночи, но вот уже месяц они были разлучены: прискорбное событие омрачило их любовь. Анри Лемор был удручен и растерян, тревожные предчувствия сжимали сердце Марсели де Бланшмон. Он опустился перед ней на колени, как будто благодарил за последнее свиданье. Но вдруг поднялся, не проронив ни слова; вид его выражал сдержанность, почти отчужденность.

– Наконец!.. – произнесла Марсель с усилием, протягивая ему руку; он порывисто поднес ее к губам, но лицо его не озарилось радостью.

«Он разлюбил меня», – подумала Марсель, закрыв лицо руками и холодея от ужаса.

– Наконец? – повторил Лемор. – Вы хотите сказать уже? Конечно, мне надо было преодолеть желанье видеть вас и ждать еще, но я был не в силах, простите!

– Я вас не понимаю, – с тоскою сказала молодая женщина, в изнеможении опуская руки.

Лемор увидел слезы на ее глазах, однако не догадался о настоящей причине ее волнения.

– О да! – сказал он. – Я виноват пред вами; я вижу, как вас мучают из-за меня угрызения совести. Но этот месяц мне показался бесконечно долгим, и не хватило мужества переносить дальше назначенный вами срок разлуки. А сегодня, написав вам, что прошу свиданья, я вдруг опомнился и пожалел об этом. Мне стало стыдно, я упрекал себя в малодушии, в том, что из-за меня вы стараетесь заглушить в себе укоры совести; и, когда вы мне ответили так

искренне и прямо, так ласково, я понял, что в вас говорит только жалость ко мне.

– Ах, Анри, мне больно слушать вас! Что это, игра или притворство? Зачем вы домогались меня увидеть, ведь вы совсем не рады и сомневаетесь во мне?

Молодой человек вздрогнул и упал к ногам своей возлюбленной.

– Я перенес бы все – высокомерие, упреки, но ваша доброта меня убивает!

– Анри, Анри! – воскликнула Марсель. – Так, значит, вы чувствуете свою вину передо мною? О, вы смотрите на меня так, словно совершили преступление! Вы забыли, вы отвергли меня, я это вижу!

– Нет, нет! Все мое несчастье в том, что я обожаю вас, преклоняюсь перед вами, верю в вас, как в Бога, и могу любить только вас одну на свете!

– Так что же, – сказала молодая женщина, прижимая к груди темную голову бедного Анри, – разве уж такое большое несчастье любить меня? Ведь я тоже люблю вас. Вы же знаете, Анри, что я теперь свободна и мне не в чем себя упрекнуть. Я никогда не желала смерти мужа и не позволяла себе мечтать о том, как я воспользуюсь свободой, если она будет возвращена мне. Помните, мы никогда об этом не говорили. Вы не могли не знать, что я любила вас со всею страстью; но только сейчас я в первый раз так смело признаюсь вам в своем чувстве. Но как вы бледны, друг мой! У вас совсем холодные руки! Вы страдаете? Мне страшно!

– Нет, нет, – умолял Лемор, изнемогая от мучительно-сладостного волнения, – говорите, говорите!

– Вот почему, – продолжала госпожа де Бланшмон, – я не испытываю ни раскаяния, ни угрызений совести, которые, по-вашему, должны терзать меня. Когда принесли домой окровавленное тело моего мужа, убитого на дуэли из-за другой женщины, я была потрясена – это правда. И когда, сообщая эту страшную новость, я просила вас на время удалиться, мне казалось, что я исполняю свой долг. О, если я виновата в том, что это время тянулось для меня так долго, то я достаточно наказана вашим беспрекословным повиновением! Целый месяц я прожила в уединении, занимаясь только воспитанием сына и

стараясь облегчить горе родителей господина де Бланшмон; за это время я хорошо проверила свое чувство и не считаю себя такой уж грешницей. Я не в силах была любить этого человека, потому что он никогда не любил меня; и все, что я могла, – это оберегать его честь. А теперь, Анри, память о нем требует от меня лишь соблюдения внешних приличий. До конца моего траура я буду видеться с вами тайно и редко... так надо; а через год, самое большее через два...

– Что же будет через два года, Марсель?

– Вы спрашиваете, чем мы станем тогда друг для друга? Вы не любите меня больше, Анри, я уже сказала вам это.

Ее упрек нисколько не тронул Анри. Он совсем не заслужил его. С тоскою ловил он каждое слово возлюбленной и взором умолял ее продолжать.

– Скажите, Анри, – спросила Марсель, покраснев, как невинная девушка, – разве вы не думаете жениться на мне?

Анри склонил голову на ее колени, не помня себя от счастья и благодарности; но вдруг он встал, и на лице его отразилось глубокое отчаяние.

– Разве ваш брак не был для вас достаточно печальным опытом, – сказал он почти резко, – что вы хотите снова надеть на себя это ярмо?

– Вы меня пугаете, – проговорила госпожа де Бланшмон, овладев собою. – Неужели и вы чувствуете в себе инстинкты тирана? Или, быть может, вы боитесь связать себя узами вечной любви?

– Нет, нет, совсем не то, – мрачно возразил Лемор. – Вам известно, что внушает мне опасения, на что я не решаюсь обречь ни вас, ни себя, но вы не хотите, не можете меня понять. А между тем мы так часто говорили об этом еще в то время, когда у нас и в мыслях не было, что это может затронуть нас самих и станет для меня вопросом жизни или смерти!

– Неужели, Анри, вы до такой степени преданы вашим утопиям? Как? Даже любовь бессильна перед ними? Ах! Вы, мужчины, не умеете любить! – добавила

она с глубоким вздохом. – Если ваша душа не очерствела от пороков, то ее иссушила добродетель; каждый из вас – будь то негодяй или человек высокой души – любит только себя.

– Но скажите, Марсель, если бы месяц назад я потребовал, чтобы вы изменили вашим собственным принципам, если бы я умолял вас во имя моей любви пойти на то, что при ваших правилах и религиозных убеждениях вы считали бы непоправимой ошибкой, величайшим грехом...

– Но вы не требовали этого от меня! – воскликнула Марсель краснея.

– Я слишком любил вас и не мог допустить, чтобы вы страдали и плакали из-за меня. Но если бы я потребовал... Ответьте мне, Марсель!

– Ваш вопрос нескромен и неуместен, – сказала она, прибегая к милому кокетству, чтобы избежать ответа.

Ее обаяние и красота привели Лемора в трепет. Он страстно прижал ее к сердцу. Но, быстро подавив в себе этот порыв, он отошел и, обойдя скамью, на которой она сидела, взволнованно продолжал:

– А если бы я потребовал у вас этой жертвы теперь, когда уже вашего мужа нет в живых и когда она, конечно, не будет такой ужасной... такой страшной?..

Госпожа де Бланшмон снова побледнела.

– Анри, – сказала она серьезно, – я была бы обижена и оскорблена до глубины души, если бы вы допустили такую мысль после того, как я предложила вам свою руку и вы как будто отвергли ее.

– Какое несчастье, что вы не понимаете меня и считаете негодяем, тогда как моя любовь самоотверженна до героизма!.. – ответил он с горечью. – Эти слова могут показаться вам высокопарными и вызвать улыбку обидной жалости. Но я... я говорю, как перед Богом, он видит мои страдания... они ужасны, быть может выше моих сил!

И слезы хлынули у него из глаз.

Горе молодого человека было так глубоко и искренне, что привело госпожу де Бланшмон в смятение. Эти жгучие слезы, казалось, выражали бесповоротный отказ от счастья, вечное «прости» мечтам любви и юности.

– О мой Анри, мой милый! – воскликнула Марсель. – Какой удар готовите вы нам обоим? Зачем это отчаяние, когда моя жизнь в ваших руках, когда уже ничто не мешает нам принадлежать друг другу перед Богом и людьми? Быть может, вы видите препятствие в том, что у меня есть сын? Но разве вы недостаточно великодушны, чтобы уделить ему частицу того чувства, которое вы питаете ко мне? Неужели вам когда-нибудь придется упрекнуть себя в том, что мое дитя заброшено и несчастно?

– Ваш сын! – воскликнул Анри, подавляя рыдания. – Мой страх за судьбу вашего сына вызван причинами более серьезными. Меня пугает не то, что я не буду его любить. Я боюсь, что слишком полюблю его и не в силах буду видеть, как жизнь его пойдет по чуждому мне пути. Подчиняясь обычаям, общественному мнению, я буду принужден оставить его в высшем свете, тогда как мне хотелось бы вырвать его оттуда, хотя жизнь со мною и грозила бы ему бедностью и отчаянием... Нет, я не смог бы с эгоистическим равнодушием смотреть, как он будет превращаться в типического представителя своего класса, – нет, нет!.. И это, и другое – все в нашем положении является непреодолимой преградой. Думая о нашем будущем, я вижу только бессмысленную борьбу, вижу вас – несчастной, а себя – преступным... Это невозможно, Марсель, невозможно! Я слишком люблю вас, чтобы принять от вас такую жертву, тем более что вы не можете предвидеть ни ее размеров, ни ее последствий. Я вижу, что вы меня не знаете. Я вам кажусь мечтателем нерешительным и безвольным, а я – мечтатель упорный и неисправимый. Вы, наверное, не раз обвиняли меня в чрезмерной восторженности, вы думали, что достаточно одного вашего слова, чтобы я беспрекословно подчинился тем взглядам и понятиям, которые вы считаете разумными и правильными. О, мои страдания глубже, чем вы думаете, вы не можете представить себе сейчас всю силу моей любви! Впоследствии, со временем, вы в глубине души будете благодарить меня за то, что я предпочел страдать в одиночестве.

– Впоследствии? Почему? Когда же? Что вы хотите этим сказать?

– Я сказал вам – позже, когда вы очнетесь от этого мрачного наваждения, которое я навлек на вас, – когда вы возвратитесь к светской жизни и насладитесь ее легким и сладостным опьянением, когда вы утратите вашу

ангельскую чистоту и спуститесь на землю.

– Да, да, когда я превращусь в черствую эгоистку и лесь развратит меня вконец! Вот что вы хотите сказать, вот что вы думаете обо мне! Вы в своей необузданной гордыне не верите, что я могу постичь ваши идеи и понять вашу душу. Словом, вы считаете, что я недостойна вас, Анри!

– То, что вы говорите, сударыня, жестоко, и нам незачем дольше вести этот спор. Позвольте мне удалиться, я вижу, что мы не в силах понять сейчас друг друга.

– Итак, вы покидаете меня?

– Нет, я не покину вас: вдали от вас я буду хранить в душе ваш образ и тайно вас боготворить. Я буду страдать вечно, надеясь, что вы забудете меня, раскаиваясь, что желал и искал вашей любви, утешаясь, что по крайней мере не обманул вас подло.

Госпожа де Бланшмон хотела встать, чтобы удержать Анри, но снова в изнеможении опустилась на скамью.

– Зачем же вы желали меня видеть? – спросила она холодно, устремив на него взгляд.

– Да, да, вы правы, упрекая меня. Это последняя низость с моей стороны; я сознавал это, но не мог побороть в себе желанья еще раз увидеть вас... Я думал, что вы изменились ко мне, на эту мысль меня навело ваше молчанье; я изнемогал от тоски и надеялся, что ваша холодность исцелит меня. Зачем я пришел? Зачем вы любите меня? Разве я не самый жестокий, самый неблагодарный, самый необузданный, самый преступный человек на свете? Но я хочу, чтобы вы видели меня именно таким, каков я есть, и убедились, что не стоит обо мне жалеть. Так будет лучше! И хорошо, что я пришел, не правда ли?

Анри говорил как в бреду; его строгое и благородное лицо исказилось; голос, приятный и ласковый, стал каким-то сдавленным, жестким и резал слух. Марсель видела, как он страдает, но ее собственные страдания были не менее жестоки, и она не знала, чем облегчить их общее горе. Она сидела бледная и безмолвная, судорожно сжав руки, безжизненная, словно изваяние. Уходя, он на мгновенье обернулся и, увидев недвижную Марсель, бросился к ее ногам и,

рыдая, покрыл их поцелуями.

– Прощай, прекраснейшая и лучшая из женщин! Прощай, моя верная подруга, моя чистая любовь! Пусть другой, достойнейший, полюбит тебя так, как я люблю, но пусть эта новая любовь не принесет с собой горечи и отвращения к жизни! Будь счастлива, твори добро, и да минует тебя тяжесть борьбы, на которую я обрек себя! И если в людях твоего круга сохранились еще остатки честности и человеколюбия, то да поможет тебе Господь вдохнуть в них живые силы и возродить их к новой жизни!

Сказав это, Анри поспешно вышел, не думая о том, что оставляет Марсель в отчаянии. Казалось, его преследовали фурии.

Госпожа де Бланшмон долго сидела, точно окаменев.

Вернувшись к себе, она до рассвета ходила по комнате, но не проронила ни одной слезы, ни одним вздохом не нарушила безмолвия ночи.

Было бы слишком смело утверждать, что эта двадцатидвухлетняя вдова, красивая, богатая, пользовавшаяся таким успехом в высшем свете благодаря своему обаянию, одаренной натуре и уму, не была унижена и возмущена тем, что молодой человек, без роду и племени, бедный, не имеющий никакого положения в обществе, отверг ее руку. Должно быть, в первые минуты в ней и заговорила оскорбленная гордость; однако вскоре возвышенные чувства ее благородной природы внушили ей мысли более серьезные, и она впервые глубоко заглянула в свою жизнь и в жизнь своих близких. Она вспомнила все, что говорил ей Анри еще в то время, когда они любили друг друга без всякой надежды. Теперь ей казалось странным, что прежде она так легкомысленно относилась к убеждениям этого сурового юноши и считала их романтическими бреднями. Сейчас она судила о нем с тем спокойствием, которое овладевает человеком сильной воли в минуты самых бурных переживаний. Медленно проходила ночь, и, прислушиваясь к бою часов далеких колоколен, перекликавшихся в тишине уснувшего города своими серебряными звонами, Марсель мало-помалу обрела ту ясность сознания, какая осеняет страждущего человека после долгой ночи сосредоточенных размышлений. Воспитанная в других жизненных правилах, чем Лемор, она была, однако, как бы предназначена судьбой разделить любовь этого плебея и найти в ней прибежище от томительной скуки светской жизни. Это была одна из тех нежных и в то же время сильных душ, которые испытывают потребность жертвовать

собой и не знают иного счастья, как делать других счастливыми. Не найдя радости в семейной жизни и наскучив светом, она с романтической доверчивостью молодой девушки отдалась этому чувству, создав из него религиозный культ. Будучи искренне верующей в юности, она еще больше полюбила Анри за то, что он глубоко уважал ее убеждения и преклонялся перед ее целомудрием. Самое ее благочестие поддерживало в ней восторженность этой любви, и едва только она получила свободу, ее охватило стремление освятить их союз нерасторжимыми узами брака. Она радостно мечтала, что пожертвует богатством, которым так дорожит свет, и предрассудками своего класса, которые никогда не влияли на ее суждения. Бедняжка думала, что совершает подвиг. И действительно, это было подвигом, потому что высший свет неминуемо заклеил бы ее презрением или насмешкой. Она не предвидела, что гордый плебей сочтет ее жертву ничтожной и примет ее почти как оскорбление.

Ужас, страданье и протест Лемора вдруг открыли ей глаза на многое, и в ее смятенном сознании всплыло все то, что она знала – хотя еще и смутно – о социальном кризисе, переживаемом ее веком.

В нашу эпоху женщине доступны все самые высокие области мысли. Отныне всякая женщина, свободно, не боясь показаться смешной педанткой, может, сообразно с уровнем своего развития, читать любую литературу – газеты или романы, философские, политические или поэтические произведения, официальные речи или личные воспоминания – и по этой литературе изучать великую книгу современной жизни, книгу скорбную, многословную, противоречивую и вместе с тем глубокую и полную значения. Марсель, как и все мы, хорошо знала, что наше настоящее, больное и бессильное, ведет борьбу с прошлым, которое тянет его назад, и с будущим, зовущим его вперед. Она уже видела, как яркие молнии скрещивались над ее головой, она предчувствовала грозные бои, более или менее отдаленные. Она не была малодушна по природе, ее ничто не пугало, и она не закрывала глаза на действительность. Вечные стоны, жалобы, страхи и взаимные упреки ее престарелых родственников так наскучили ей, что всякие опасения стали ей ненавистны. Молодость не хочет проклинать пору своего цветения, – и эти пленительные годы дороги ей, какие бы бури их ни потрясали. Нежная и мужественная Марсель говорила себе, что можно весело смеяться даже в грозу и непогоду, укрывшись с любимым под сенью ветвей. Жестокая борьба материальных интересов казалась ей игрой. «Что для меня разорение, изгнание, тюрьма! – думала она в то время, как со всех сторон над мнимыми баловнями века стягивались тучи. – Разве можно любовь изгнать из жизни? А я, благодаренье Богу, люблю человека незаметного, которому ничто не грозит».

Ей не приходило в голову, что эта глухая и скрытая борьба, продолжавшаяся несмотря на противодействие властей и явные неудачи, нанесет удар ее чувству. Но эта война идей и чувств зашла слишком далеко, и Марсель, оказавшись вовлеченной в нее, внезапно увидела, что иллюзии ее рассеялись, как сон. Это была борьба умственных и нравственных интересов между двумя различными классами, проникнутыми враждебными друг другу верованиями и страстями; и Марсель встретила в лице боготворившего ее человека непримиримого врага. Сначала ее испугало такое открытие, но постепенно она примирилась с этой мыслью, рисовавшей ей новые цели, еще более благородные и увлекательные, чем те, что занимали ее ум в течение последнего месяца. Она еще долго ходила по тихим и пустынным комнатам и, наконец, приняла решение, которое у всякого другого вызвало бы улыбку удивления и жалости.

Это произошло совсем недавно, какой-нибудь год тому назад.

II

Путешествие

Марсель де Бланшмон, выйдя замуж за двоюродного брата, сохранила и после брака свою девичью фамилию. Земельные угодья и замок де Бланшмон являлись частью ее родового имущества. Земля представляла значительную ценность, но замок, находившийся более ста лет в пользовании фермеров, уже давно был необитаем и превратился в такую развалину, что для восстановления его потребовались бы большие затраты. Мадемуазель де Бланшмон, рано осиротевшая, воспитывалась в одном из парижских монастырей; вышла она замуж очень юной, муж не посвящал ее в дела по управлению имением, и она никогда не была в замке своих предков. Собираясь покинуть Париж и уехать в деревню, где она надеялась найти те условия жизни, которые согласовались бы с принятым ею решением, она хотела начать свои странствования с посещения Бланшмона, чтобы затем поселиться в этом поместье, если оно будет отвечать ее намерениям. Она знала, в каком упадке находился замок, и именно поэтому прежде всего остановилась на нем. Ссылаясь на денежные затруднения, в которых она очутилась после смерти мужа, и на очевидный беспорядок в его делах, она объявила, что ей необходимо поехать в имение на несколько недель, хотя для нее и не была ясна ни настоящая цель, ни продолжительность поездки;

она стремилась лишь расстаться с Парижем и с той жизнью, которую ей пришлось бы там вести.

К счастью для нее, в их семье не было никого, кто мог бы считать своей обязанностью сопровождать ее. Как единственная дочь, она была избавлена от опеки сестры или старшего брата. Престарелые родители ее мужа, испуганные долгами покойного сына, которые можно было выплатить лишь при разумном ведении дел, были удивлены и восхищены тем, что эта двадцатидвухлетняя женщина, до сих пор не проявлявшая никаких способностей и интереса к делам, решила взять все в свои руки и убедиться воочию в состоянии оставленного ей наследства. Однако они возражали против того, чтобы она ехала с ребенком одна, и предлагали ей взять с собой поверенного. Кроме того, дедушка и бабушка опасались, как бы путешествие в жаркую погоду не повлияло на здоровье их внука. Но Марсель уверяла стариков, что постоянное присутствие в дороге пожилого стряпчего будет ей только в тягость, что тамошние нотариусы и поверенные, хорошо знающие местные условия, дадут ей более точные сведения и более полезные советы, а расчеты с фермерами и возобновление арендных договоров – дело не трудное. Что же касается ребенка, то в Париже он совсем захирел, и деревенский воздух, солнце и прогулки принесут ему лишь пользу. Марсель внезапно ощутила в себе силы для борьбы с препятствиями, которые она предвидела и над которыми так много думала в бессонную ночь, описанную в предыдущей главе; в качестве главного довода она выдвинула обязанности, возлагаемые на нее ролью опекуни сына. Марсель заявила, что не вполне осведомлена о состоянии наследства, оставленного господином де Бланшмон; возможно, что он затребовал у фермеров крупные суммы вперед, взял большие ссуды под залог земель и т. д. Она настаивала, что ей необходимо лично удостовериться во всем и узнать, какими средствами может она располагать, чтобы не нарушить интересов сына и обеспечить его будущее. Она говорила об этом так разумно, – хотя в сущности все это очень мало беспокоило ее, – что к концу дня одержала верх; вся семья согласилась с ней и одобрила ее решение. Ее любовь к Анри сохранялась в глубокой тайне, и ни малейшее подозрение не нарушило покоя ее престарелых родственников.

Возбужденная непривычной деятельностью и воодушевлявшей ее надеждой, она и в следующую ночь спала не лучше, чем в ночь последнего свидания с Лемором. Ей снились какие-то странные сны, то радостные, то мучительные. С восходом солнца она уже совсем проснулась и, бросив рассеянный взгляд на убранство своей спальни, впервые была поражена окружавшей ее ненужной и разорительной роскошью: атласные обои, обилие удобной и мягкой мебели, дорогих и изысканных вещей, множество безделушек, блеск позолоты,

драгоценный фарфор, деревянная скульптура и редкости – словом, все, что заполняет в наши дни будуар светской женщины.

«Хотела бы я знать, – подумала она, – почему мы так презираем содержанок? Они заставляют дарить им то, что мы покупаем себе сами. Они жертвуют своим целомудрием ради обладания такими мелочами, которые в глазах серьезной и разумной женщины не должны бы иметь никакой цены, но, однако, мы считаем их необходимыми. Они любят то же, что и мы, и, чтобы казаться такими же богатыми и счастливыми, идут на позор. Прежде чем осуждать их, нам следовало бы подать им пример простой и строгой жизни! А если сравнить наши нерасторжимые браки с их временными связями, то так ли уж бескорыстны девушки высшего общества? Разве не видим мы, что и в нашем кругу так же часто, как и среди продажных женщин, девушку-ребенка отдают старику, что красота оскверняется мерзостью порока, что ум подчинен глупости, – и все это ради бриллиантов, кареты, ради ложи у итальянцев! Бедные, отверженные девушки! Говорят, что вы тоже презираете нас, – и вы правы!

Между тем в прозрачной синеве рассвета, проникавшего сквозь занавеси, можно было уже различить пленительные очертания этого святилища, которое госпожа де Бланшмон так любила когда-то украшать, изоцряя свой вкус. Она почти всегда жила отдельно от мужа, и ее прекрасная комната, дышавшая такой девической чистотой и свежестью, куда ни разу не осмелился проникнуть даже Анри, вызывала в ней только грустные и нежные воспоминания. Здесь, вдали от большого света, она мечтала над книгой, вдыхая аромат цветов несравненной красоты, которые вы можете увидеть только в Париже и которые составляют одну из радостей богатой женщины. Она внесла в этот уголок все то поэтическое чувство, каким была одарена; она убрала и украсила его для себя одной; она полюбила его, словно какую-то таинственную обитель, где в благоговейном раздумье и молитве забывала о горестях жизни и волнениях души.

Марсель окинула комнату долгим, нежным взглядом и мысленно произнесла вечное «прости» этим немым свидетелям ее сокровенной жизни, незримой, как жизнь цветка, на котором даже солнцу не найти пятна, но который все же прячет головку в листве, стремясь укрыться в тени, среди прохлады.

«Мой уединенный приют, украшения, которые я сама для тебя выбирала, – вы были мне отрадой, – думала она. Но я не смею больше любоваться вами: вы спутники богатства и праздности. Отныне я смотрю на вас, как на разлучников

моих с Анри. Ваш вид вызывает во мне горечь и отвращение. Я хочу расстаться с вами, пока не овладела нами ненависть друг к другу, пока не перестала охранять меня суровая мадонна, пока я не возненавидела отражение свое в прозрачной глубине зеркал и цветы в роскошных вазах не перестали пленять меня своей красотой и ароматом».

Она решила написать Анри. Но прежде чем приняться за письмо, Марсель тихо подошла к кроватке сына, чтобы поглядеть на спящее дитя и перекрестить его. Вид бледного личика, на котором уже отразилось раннее развитие ума в ущерб здоровью, вызвал в ней глубокое умиление. Ее душа устремилась к ребенку, и ей казалось, что он услышит ее во сне и поймет ее материнские чувства.

– Не тревожься, – говорила она, – я люблю его не больше, чем тебя. Не надо ревновать! Если бы он не был лучшим и достойнейшим из людей, я не желала бы дать его тебе в отцы. Спи, мой ангел, я люблю тебя горячо и преданно! Спи спокойно, ничто не разлучит нас!

Марсель заплакала облегчающими душу слезами и, вернувшись в свою комнату, написала Лемору следующие строки:

«Вы правы, я Вас понимаю. Но я хочу быть достойной Вас и добьюсь этого. Я уезжаю далеко. Не беспокойтесь обо мне и продолжайте меня любить. Через год, в этот же день, Вы получите от меня письмо. Устройте Вашу жизнь так, чтобы иметь возможность явиться на мой зов, куда бы я Вас ни позвала. Если Вы найдете, что я недостаточно прониклась Вашим учением, Вы мне дадите еще год... Год, два года, полные надежды, – ведь это почти счастье для двух существ, которые так долго любили друг друга, ни на что не надеясь».

Она послала это письмо рано утром. Но Лемора дома не было. Он уехал накануне вечером, неизвестно куда и на сколько времени, отказавшись от своей скромной квартиры. Однако посыльного уверили, что письмо будет доставлено одним из его друзей, которому он поручил ежедневно пересылать его почту.

Два дня спустя госпожа де Бланшмон с сыном, горничной и слугой проезжала в почтовой карете по пустынным местам Солони.

Отъехав на восемьдесят лье от Парижа, путники очутились почти в самом центре Франции и переночевали в одном из ближайших к Бланшмону городков.

До замка оставалось еще пять-шесть лье, но, несмотря на то, что за последние годы было проведено несколько новых дорог, деревни сообщались между собой так плохо, что получить от населения точные указания, где находится то или другое из ближайших мест, было крайне трудно. Все знают дорогу в город или на ярмарку, куда приходится время от времени ездить по делам. Но скажите спасибо, если в какой-нибудь деревушке вам укажут дорогу к ферме, находящейся на расстоянии хотя бы одного лье. Дорог много, и все похожи одна на другую!

Слуги госпожи де Бланшмон проснулись на рассвете, чтобы приготовить все к отъезду, но ни хозяин постоянного двора, ни работники, ни проезжие крестьяне, которые не успели еще выспаться, не могли указать им путь к замку Бланшмон. Никто точно не знал, где находится это поместье. Один был родом из Мон-Люсона, другой знал Шато-Мейан, третий сто раз проезжал через Арданг и Ла-Шатр, но о Бланшмоне знали только понаслышке.

– Это земли доходные, – сказал один, – я знаком с тамошним фермером, но побывать там не довелось. Путь туда не близкий, добрых четыре лье от нас.

– Ну, еще бы! – заявил другой. – В прошлом году я даже видел на ярмарке в Бертену быков из Бланшмона и разговаривал с господином Бриколеном, фермером, вот как сейчас с вами говорю. Как же, как же! Я слышал про Бланшмон, но как туда проехать – не скажу!

Служанка, как и все служанки постоянных дворов, совсем не знала здешних мест. Она попала сюда недавно.

Горничная и лакей госпожи де Бланшмон, которые привыкли сопровождать свою госпожу в великолепные поместья, известные более чем на двадцать лье вокруг и расположенные в местностях культурных, чувствовали себя словно в Сахаре. Лица у них вытянулись, и самолюбие невыносимо страдало оттого, что им приходится безуспешно спрашивать дорогу к замку, которому они оказывают честь своим посещением.

– Должно быть, лачуга какая-нибудь, берлога, – сказала Сюзетта Лапьеру с презрительной гримасой.

– Дворец Корибантов, – ответил Лапьер, в молодости увлекавшийся мелодрамой Замок Коризанды[4 - «Замок Коризанды». – «Коризанда» – трехактная комическая опера Оноре-Франсуа-Мари де Лангле (1741–1807), поставленная в Опере в 1791 г. Сюжет взят из поэмы Вольтера «Орлеанская девственница»]. Это искаженное название он давал всем развалинам.

Наконец конюху явилась блестящая мысль:

– Да ведь у меня там наверху, на сеновале, – воскликнул он, – спит человек, который вам все доподлинно расскажет! У него ремесло такое, он день и ночь ходит из деревни в деревню. Зовут его Большой Луи, а еще называют – Большой мельник.

– Ну, подай его сюда, твоего Большого Луи, – согласился с величественным видом Лапьер, – кажется, его спальня где-то на самой голубятне?

Большой Луи спустился с чердака, потягиваясь и расправляя свои широкие плечи. Увидев его атлетическую фигуру и решительное лицо, Лапьер сразу сменил свой шуточный барский тон на вежливый и стал расспрашивать. Мельник и в самом деле был превосходно осведомлен обо всем, но, услышав его советы, Сюзетта нашла нужным препроводить его к госпоже де Бланшмон, которая сидела с Эдуардом в зале и пила шоколад. Она совсем не разделяла страхов своих слуг и даже радовалась, слыша разговоры о том, что Бланшмон находится в какой-то затерянной и никому неизвестной стороне.

И вот перед госпожой де Бланшмон внезапно предстал редкий образец местного обитателя, детина ростом в пять футов восемь дюймов, – явление необычное для того края, где мужчины, как правило, малорослы. Он был могучего сложения, строен, держался уверенно и привлекал внимание своей внешностью. Окрестные девушки называли его красавцем-мельником, и это прозвище было не менее заслуженно, чем первое. Когда он смахивал рукавом налет муки, обычно покрывавший его щеки, то оказывалось, что цвет лица у него смуглый и свежий. У него были крупные правильные черты лица, которые вполне гармонировали со всей его мощной фигурой, глаза красивого разреза и ослепительные зубы; длинные каштановые волосы, густые и волнистые, какие бывают обычно у здорового человека, обрамляли его высокий, выпуклый лоб, свидетельствовавший скорее о трезвом и проницательном уме, чем о мечтательности. На нем была темно-синяя блуза, панталоны из серого холста, короткие чулки и башмаки, подбитые гвоздями. В руке он держал тяжелую

рябиновую палку с утолщением наверху, похожую на дубинку.

Он вошел с непринужденным видом, который можно было бы принять за излишнюю развязность, если бы добрые голубые глаза и широкая улыбка румяного рта не выдавали так явно основных качеств его натуры – искренности, доброты и какой-то мудрой беспечности.

– Мой вам привет, сударыня, – произнес он, слегка приподняв свою широкополую серую фетровую шляпу, но не снимая ее, ибо насколько пожилые крестьяне угодливы и готовы отвешивать поклоны перед всяким, кто одет немного получше их, настолько тот, кто родился после революции, держит голову высоко и зря шапки не ломает. – Мне сказали, что вы хотите узнать, как проехать в Бланшемон?

Марсель не слыхала, как он вошел, и даже вздрогнула от его громкого, звучного голоса. Она быстро обернулась, сначала немного удивленная этой непринужденностью. Но уж таково преимущество красоты, что едва молодой мельник и молодая дама взглянули друг на друга, как недоверие, которое вызывает при первой встрече разница в общественном положении, сразу исчезло. Однако Марсель, заметив, что мельник склонен к развязности, сочла нужным сугубой вежливостью напомнить ему об уважении, какого требует к себе женщина.

– Весьма признательна вам, сударь, за готовность помочь мне, – сказала она, ответив на приветствие, – не укажете ли, по какой дороге можно проехать отсюда на Бланшемонскую ферму?

Большой мельник, не ожидая приглашения, взялся уже за стул, чтобы сесть, но, услышав обращенное к нему «сударь», с присущей ему пронизательностью понял, что перед ним особа не только доброжелательная, но и требующая к себе почтения. Не смущаясь, он спокойно снял шляпу и оперся руками на спинку стула, как бы для того, чтобы придать себе больше уверенности.

– Туда ведет проселочная дорога, не сказать, чтоб очень приятная, но если ехать по ней осторожно, экипаж не опрокинется; самое главное – это держаться ее и никуда не сворачивать. Я все растолкую почтовому кучеру. Но было бы, конечно, безопаснее пересесть здесь в повозку, потому что последние ливни вконец затопили Валле-Нуар, а колеса у вашей кареты небольшие, и как бы они не

застряли в какой-нибудь колее; все может случиться, я за это не поручусь.

– Я вижу, что с вашими дорогами шутить не следует, – сказала Марсель, – и что лучше принять ваш совет. А вы уверены, что повозка не опрокинется?

– Ну, этого не бойтесь, сударыня!

– Я боюсь не за себя, а за ребенка, и потому должна быть осторожной.

– И в самом деле, жаль, если что случится с таким славным малышом, – ласково сказал Большой мельник, подходя к Эдуарду. – До чего же он мил и хорош собой!

– Но очень хрупкое создание, не правда ли? – сказала Марсель с улыбкой.

– Да, силенок, видно, не много, зато красив, как девочка.

– Стало быть, вы, сударь, направляетесь в наши края?

– У-у, какой большой! – воскликнул Эдуард, вцепившись в мельника, который наклонился к нему. – Помогите мне достать до потолка!

Мельник взял мальчика и, подняв его над головой, понес вдоль закоптелого карниза залы.

– Осторожнее! – остановила его госпожа де Бланшмон, встревоженная тем, что этот деревенский Геркулес так смело обращается с ее ребенком.

– Не беспокойтесь! – ответил Большой Луи. – Я скорее переломал бы все лопасти на моем мельничном колесе, чем повредил бы ему хоть один пальчик.

Незнакомое слово «лопасти» рассмешило мальчика, и он стал повторять его.

– А вы знаете, что это такое? – спросил мельник. – Это такие маленькие крылышки, такие дощечки, которые стоят ребром на мельничном колесе; вода переливается через них и ворочает колесо. Я вам их покажу, если вы когда-нибудь попадете к нам.

– Лопасть! Лопасть! – повторял ребенок, заливаясь смехом и откидываясь на руках мельника.

– Вот насмешник, вот плутишка! – сказал Большой Луи, усаживая его на стул. – Однако, сударыня, мне надо приниматься за свои дела. Это все, чем я могу вам услужить?

– Да, мой друг, – ответила Марсель; расположение, которое она сразу почувствовала к мельнику, заставило ее забыть о сдержанности.

– Да уж чего лучше, как быть вашим другом! – смело сказал тот, и его взгляд дал понять, что, будь это сказано не столь молодой и красивой женщиной, такая вольность пришлось бы ему не по вкусу.

«Хорошо же, – подумала Марсель, краснея и улыбаясь, – надо принять это к сведению». И добавила:

– Прощайте, сударь, и, возможно, до свидания, так как вы, очевидно, живете в Бланшемоне.

– Поблизости. Я мельник из Анжибо; это всего в одном лье от вашего замка, ибо, как я предполагаю, вы и есть владелица Бланшемона?

Марсель запретила своим слугам открывать ее инкогнито. Она хотела проехать незаметно, но из поведения мельника ей стало ясно, что ее появление в качестве владелицы замка не произведет того шума, какого она боялась. Землевладелец, если он не живет в своем поместье, здесь человек чужой, которым никто не интересуется. Совсем другое отношение к его представителю – к фермеру, ибо с ним постоянно приходится иметь дело.

Марсель намерена была выехать пораньше, чтобы прибыть в Бланшемон до полуденного зноя, но вместо того просидела добрую половину дня на постоялом дворе. Все повозки были в разгоне по случаю большой местной ярмарки, и надо было ждать, чтобы одна из них вернулась обратно. Только около трех часов дня Сюзетта почти со слезами сообщила своей госпоже, что единственный экипаж, который может быть предоставлен в их распоряжение, – это какая-то безобразная ивовая корзинка, так что порядочным людям в ней и показаться стыдно.

К великому удивлению своей очаровательной горничной, госпожа де Бланшмон согласилась без малейшего колебания. Она захватила несколько баульчиков с самыми необходимыми вещами, отдала ключи от кареты и сундуков хозяину постоянного двора и покатила в этом классическом экипаже – достоверном свидетельстве неприхотливой жизни наших предков, который с каждым днем встречается все реже, даже на дорогах Валле-Нуар. К несчастью, повозка, доставшаяся Марсели, была местного производства, и попадись она на глаза антиквару, он бы оказал ей должное внимание. Она была длинная и мелкая, как гроб; ничего похожего на рессоры не стесняло ее хода; огромные колеса достигали верха повозки и не боялись глубоких, наполненных грязью рытвин, которыми изобилуют проселочные дороги (мельник, очевидно из чувства «патриотизма», называл их колеями); наконец верх этой повозки-сидейки был не что иное, как ивовое плетенье, проконопаченное войлоком и покрытое внутри известкой, которая при каждом толчке сыпалась на головы путешественников. Низкорослая лошадка, жеребчик, тощая, но ретивая, везла эту деревенскую карету довольно легко, а возница, сидя бочком на облучке и болтая ногами (наши прадеды обходились без подножки и считали более удобным, влезая в повозку, подставлять стул), чувствовал себя здесь куда свободнее, чем его пассажиры, да и дышалось ему там легче. Возможно, что у нас и посейчас встречаются подобные экипажи где-нибудь у старых зажиточных крестьян, не желающих менять свои привычки; они уверяют, что от рессор в ногах начинают бегать мурашки и что ноги немеют и затекают.

Переезд по грунтовой дороге был еще довольно сношен. Кучер, рыжий подросток лет пятнадцати, курносый и дерзкий, которому все было нипочем, не стеснясь присутствия дам, подбадривал лошадку самой отборной руганью из своего богатого запаса; ему явно доставляло удовольствие, что терпеливое и неприхотливое животное, которому никогда не перепало овса, бежит из последних сил, радуясь одному только виду зеленеющей травы. Но когда начались бесплодные пески, лошадь уныло повесила голову и, невзирая на изрытую дорогу, продолжала тащить свой груз с каким-то ожесточением, отчего повозку немилосердно кидало из стороны в сторону.

III

Нищий

Дорога стала еще хуже, когда путешественники, выбравшись из песков, стали спускаться на тучную, рыхлую почву Валле-Нуар. Вскоре бесплодная песчаная местность осталась позади, и госпожа де Бланшмон залюбовалась раскинувшейся у ее ног великолепной равниной, которая простиралась до самого горизонта и переходила в цепь лесистых склонов, подернутых бледно-лиловой дымкой, пронизанной золотистым отблеском заката. Едва ли где во Франции найдется более красивое место. Правда, растительность здесь, если приглядеться, не очень буйная. Нет здесь ни одной большой реки, которая струила бы свои воды среди деревень, нет ни одной шиферной крыши, где бы могло заиграть солнце, нет живописных гор, нет ничего, что поражало бы вас в этой мирной природе. Но вас пленяет необъятное пространство тщательно возделанной земли, мелкие квадраты полей, лугов, заросли, широкие дороги, являющие бесконечное разнообразие тонов и оттенков в общей гамме темной до синевы зелени; беспорядочно переплетающиеся живые изгороди; скрытые в садах шалаши; прозрачная завеса тополей; тучные пастбища в ложбинах; темные кущи зелени на фоне блеклых полей и светлых кустарников и, наконец, удивительная соразмерность и гармония всей этой картины, занимающей пятьдесят квадратных лье, которую с высоты любой хижины в деревнях Лабрейль и Корлей можно охватить одним взглядом. Однако эта чудесная панорама вскоре скрылась из глаз нашей путешественницы. Как только вы начинаете спускаться к Валле-Нуар, зрелище меняется. То скатываясь вниз, то взбираясь вверх по глубоко врезанным дорогам, обсаженным по краям высоким кустарником, вы защищены от пропастей, но сами дороги – те же пропасти. Солнце, склоняясь к закату, придает им своеобразные очертания, живописные и дикие. Это какие-то таинственные лазейки под гущей листвы, это длинные тропы изумрудной зелени, которые увлекают вас в непроходимые дебри или в стоячие болота; это крутые скаты, на которые уже нельзя подняться, если вы спустились с них в экипаже; это какое-то непрерывное колдовство, действующее на ваше воображение и полное самой реальной опасности для тех, кто пускается наугад, кто пытается исследовать если не пешком, то хотя бы верхом эти коварные, капризные и предательские кручи.

Пока солнце стояло на горизонте, рыжий возница справлялся неплохо. Он выбрал самую изъезженную, а следовательно, самую тряскую, но зато и самую верную дорогу. Они переправились через два или три ручья, следуя по колеям, выбитым во влажном песке. Но когда солнце село, на этих дорогах, пролегающих глубоко в ложбинах, сразу наступила ночь, и последний из встречных крестьян, к которому они обратились, беззаботно ответил:

– Ступайте прямо, все прямо. Вам осталось не больше лье, а дорога везде хорошая.

Между тем за последние два часа это был уже шестой человек, заявлявший, что осталось не больше лье, и на этой, якобы хорошей дороге лошадь совсем выбилась из сил, а путники начали терять всякое терпение. Даже Марсель стала побаиваться, как бы возница не опрокинул повозку, потому что если лошадка и ее кучер среди бела дня пробирались с большой осторожностью, то трудно было поверить, что в полной темноте им удастся благополучно миновать бесконечные ложные тропы, такие живописные, но опасные, которые, внезапно обрываясь, приводят к круче высотой в десять – двенадцать футов. Мальчишка-кучер, который еще никогда не забирался так далеко в глубь Валле-Нуар, выходил из себя и неистово бранился всякий раз, когда ему приходилось поворачивать обратно, чтобы не сбиться с дороги; он жаловался на голод, жажду, плакался на то, что лошадь устала, нещадно стегал ее при этом и, разыгрывая из себя городского жителя, посылал ко всем чертям этот «дикий край и его безмозглых обитателей».

Не раз Марсель и ее слуги, завидев крутую, но сухую дорогу, слезали с повозки, чтобы пройти пешком, но через каких-нибудь пять минут попадали на такое место, где дорога суживалась и вышедший на поверхность подземный источник разливался в огромную грязную лужу, через которую не всякая женщина перейдет вброд. Парижанка Сюжетта заявляла, что она предпочитает вывалиться из повозки, чем погубить в этой грязи свою обувь, а Лапьер, всю жизнь скользящий в легких башмаках по блестящему паркету, казался таким неловким и растерянным, что Марсель даже не решалась поручить ему нести ребенка.

Спросите у крестьянина любую дорогу, и он вам ответит: «Ступайте прямо, все прямо!» Но на самом деле в Валле-Нуар нет ни одной прямой дороги, и это просто-напросто шутка, своего рода каламбур, который означает, что надо, мол, самому смекать. Образовавшиеся после дождей многочисленные потоки Эндры, Вовры, Куарды[1 - Couarde (фр.) – робкая, трусливая, – река названа так потому, что ее течение скрыто в кустах, словно она боится, как бы ее не увидели. Этот беззвучно струящийся темный, узкий и глубокий ручей, как говорят крестьяне, весьма коварен, несмотря на то, что невелик. – Tarde – медлительная – другая, тихая и ленивая, река, орошающая чудесную долину.] и Гурдона и сотни мелких ручейков, меняющих на пути свои названия и никогда не испытанных унижительного гнета мостов и плотин, заставляют вас бесконечно плутать,

чтобы найти брод, и то и дело поворачиваться спиной к тому месту, куда вы направляетесь.

Очутившись на перекрестке, где стоял крест, в том мрачном месте, которое в воображении крестьян населено демонами, злыми духами и фантастическими чудовищами, растерявшиеся путешественники обратились к нищему, который сидел на камне мертвых[2 - Камень мертвых – камень с углублением у подножия креста, куда каждая проходящая погребальная процессия кладет грубо вырезанный деревянный крестик. (Примеч. автора.)] и монотонным голосом выкрикивал: «Милосердные души, пожалейте горемычного бедняка!»

Внешность этого высокого, сгорбленного, но еще крепкого старца, вооруженного огромным посохом, внушала мало доверия, особенно при встрече один на один. Его суровое лицо было трудно разглядеть, но сиплый голос звучал скорее повелительно, чем умоляюще. Наряду с унылой позой и грязными лохмотьями странно было видеть на его шляпе явно шутовское украшение – пучок увядших цветов и полинявшую ленту.

– Друг мой, – сказала Марсель, протягивая ему серебряную монету, – не укажете ли нам дорогу в Бланшмон? Вы, наверно, ее знаете.

Вместо ответа нищий торжественно загнул по-латыни «Аве Мария».

– Отвечайте же, – прервал его Лапьер, – будет вам бормотать ваши молитвы, еще успеете!

Нищий с презрением посмотрел на лакея и продолжал петь.

– Да что вы разговариваете с этим попрошайкой? – вмешался возница. – Старый плут и сам не знает, куда бредет, и ничего вам толком не скажет. Шагается-то он всюду, да только у него не все дома.

– Дорогу в Бланшмон? – проговорил, наконец, нищий, кончив молитву. – Вы не туда заехали, ребятки: надо повернуть обратно и спуститься на первую дорогу справа.

– Вы в этом уверены? – спросила Марсель.

– Я ходил туда раз шестьсот. А не верите – поезжайте как угодно, мне ведь все равно.

– Он, наверно, знает, что говорит, – сказала Марсель своему кучеру. – Надо послушаться его. Зачем он будет нас обманывать?

– Ну да, он рад подвести людей! – ответил сильно озабоченный возница. – Нет у меня к нему веры.

Марсель все же настояла на том, чтобы последовать совету нищего, и вскоре повозка нырнула в узкий, извилистый и чрезвычайно крутой проезд.

– Я вам говорю, – повторял, бранясь, возница, тогда как его лошадь то и дело спотыкалась, – что этот старый сыч нас морочит.

– Поезжайте вперед, – сказала Марсель, – ведь назад все равно нельзя повернуть.

Чем дальше, дорога становилась все хуже; теперь она была почти непроезжей, к тому же слишком узкой, чтобы повернуть повозку обратно; по обе стороны дороги сжимала великолепная живая изгородь. Бедная лошаденка, совершая чудеса терпения и самоотверженности, спустилась, наконец, с горы, к подножию старых дубов, стоявших, очевидно, на опушке леса. Дорога внезапно расширилась, и путники очутились перед огромным озером стоячей воды, совсем непохожим на брод разлившейся реки. Возница, не задумываясь, направил лошадь прямо в воду. На середине озера повозка вдруг погрузилась так глубоко, что лошадь рванула в сторону. Это было последним подвигом тощего Буцефала[5 - Буцефал – любимый конь Александра Македонского.], – повозка осела до самых ступиц, и лошадь свалилась, порвав постромки; пришлось ее распрячь. Лапьер вошел в воду по колена, испуская стоны, словно умирающий; но сколько он ни старался помочь кучеру, оба были так слабы, что все усилия их вытащить повозку оказались тщетными. Тогда возница ловко вскочил на лошадь, проклиная старого колдуна-нищего, и, отчаянно чертыхаясь, ускакал во весь опор, пообещав прислать помощь, но таким тоном, в котором чувствовалось, что он не будет очень раскаиваться, если его пассажиры просидят в болоте до утра.

Повозка не опрокинулась: накренившись набок, она крепко увязла в трясине, но еще представляла собой достаточно надежное убежище. Марсель, усевшись на задней скамейке, взяла сына на руки, чтобы он мог уснуть, – ребенок уже не раз спрашивал про ужин и постель. Сюзетта нашла у себя в кармане какие-то сласти, которые утолили его голод, и он без долгих уговоров заснул. Госпожа де Бланшмон, предполагая, что мальчишка-кучер, найдя приют, не станет торопиться обратно, предложила Лапьеру поискать, нет ли где поблизости одной из тех хижин, которые здесь так хорошо укрыты зеленью и после заката так крепко заперты и так безмолвны, что надо наткнуться на них, для того чтобы их увидеть, и взять приступом, чтобы получить приют в такую позднюю пору. Старик Лапьер думал об одном: как бы добраться до огня, чтобы обсушить ноги и уберечься от ревматизма. Поэтому он не заставил долго просить себя и, убедившись, что повозка уткнулась в поваленный ствол старой ивы и не может погрузиться глубже, выбрался из болота.

Больше всех горевала Сюзетта: она страшно боялась воров, волков и змей – этих трех бичей, о которых в Валле-Нуар понятия не имели, но мысль о которых преследует во время путешествия всякую горничную. Веселое настроение и хладнокровие ее госпожи мешали ей выражать вслух свои опасения, и она тихонько плакала, забившись в угол передней скамейки.

– Что это с вами, Сюзетта? – спросила ее Марсель, услышав плач.

– Да как же, сударыня, – ответила она всхлипывая, – слышите, как кричат лягушки? Они сейчас нагрянут сюда и заберутся в повозку.

– И съедят нас, конечно, – добавила госпожа де Бланшмон, громко рассмеявшись.

В самом деле, зеленые обитатели болота, испуганные падением лошади и громкой руганью возницы и на время притихшие, теперь снова затянули свое монотонное пение. Где-то лаяли и выли собаки, но, видно, жилье было так далеко, что не приходилось рассчитывать на быструю помощь. Луна еще не всходила, и звезды, сверкая, отражались на поверхности лесной топи, устоявшаяся вода которой снова обрела свою прозрачность. Теплый ветерок шелестел в высоких камышах, густо разросшихся на берегу.

– Полноте, Сюзетта, – сказала Марсель; она уже снова предалась своим поэтическим грезам, – здесь, в трясине, совсем не так плохо, как кажется, и если вы захотите, то заснете не хуже, чем в своей постели.

«Видно, моя госпожа совсем свихнулась, – подумала Сюзетта, – если может хорошо чувствовать себя при таких обстоятельствах».

– О господи, сударыня! – воскликнула она после недолгого молчания. – Мне слышалось, что где-то воет волк! Ведь мы в самой чаще леса.

– Это вовсе не лес, а небольшой дубняк, – ответила Марсель, – и там не волк воет, а поет человек. Если он пойдет в нашу сторону, то может помочь нам выбраться на сухое место.

– А если это вор?

– В таком случае вор этот очень великодушный: он поет, чтобы предупредить нас. Слышите, Сюзетта, я не шучу. Он идет сюда, песня слышится все ближе.

В самом деле, над тихими полями раздавался звучный мужской голос, правда немного грубый и необработанный. Он сопровождался мерным стуком лошадиных копыт, но доносился откуда-то издалека, и ничто не подтверждало, что певец едет по направлению к лесной топи, которая, возможно, находилась в таком глухом месте, куда никто не заглядывал. Когда голос смолк, все сразу затихло: либо лошадь пошла по траве, либо крестьянин повернул от них в сторону.

В это мгновение Сюзетта, обуреваемая страхом, увидела молчаливую тень, скользнувшую вдоль болота; отражаясь в воде, она казалась огромной. У девушки вырвался крик, а тень, войдя в топь, направилась прямо к повозке, медленно и осторожно.

– Не бойтесь, Сюзетта, – сказала госпожа де Бланшмон, хотя в эту минуту она и сама была не совсем спокойна, – это старый нищий, с которым мы только что встретились; быть может, он укажет нам дом, откуда могут прийти к нам на помощь.

– Друг мой, – обратилась она к старику, сохраняя полное присутствие духа, – мой слуга – вон там, он пойдет с вами, чтобы вы указали ему дорогу к какому-нибудь жилью.

– Твоего слуги, малютка, там нет, – ответил развязно нищий, – его давно и след простыл... Да к тому же он такой старый, такой слабый и глупый, что тебе от него пользы мало...

Марсель вдруг почувствовала страх.

IV

Лесная топь

Этот ответ прозвучал как дикая угроза человека, задумавшего злое дело. Марсель схватила Эдуарда на руки и, решив защищать его хотя бы ценою жизни, готова была уже прыгнуть в воду, в сторону, противоположную той, откуда шел нищий, как вдруг до нее донеслись слова следующего куплета той незатейливой песенки, которую она только что слышала, но теперь песня раздавалась уже совсем близко.

Нищий остановился.

– Мы погибли, – прошептала Сюзетта, – это подходят остальные разбойники!

– Наоборот, мы спасены, – ответила Марсель, – это голос честного поселянина.

И в самом деле, голос внушал полное доверие, а мирная, беззаботная песня свидетельствовала о спокойной совести. Вскоре послышался стук лошадиных копыт. Путник, несомненно, спускался по дороге, ведущей к лесной топи.

Нищий отступил к берегу и стоял не двигаясь, но, казалось, больше из осторожности, чем из страха.

Тогда Марсель высунулась из повозки, чтобы окликнуть путника, однако он пел так громко, что не слышал ее голоса, и если бы его лошадь, испуганная темным силуэтом появившейся перед ней повозки, не шарахнулась, громко захрапев, в сторону, то хозяин ее мог бы проехать мимо, не обратив на них внимания.

– Что за черт! – раздался громкий возглас, в котором не было и тени страха; и госпожа де Бланшмон сразу узнала голос Большого мельника. – Вот те на! Да это старые друзья! Значит, карета ваша увязла. А вы, никак, умерли, что вас совсем не слышать?

Когда Сюзетта узнала мельника, видная осанка которого приятно поразила ее еще утром, она, несмотря на свой довольно неказистый наряд, сразу стала очень кокетлива. Она рассказала, в какое плачевное положение попали они с госпожой, и Большой Луи, благодушно посмеявшись над их злоключениями, заявил, что выручить их ничего не стоит. Он стащил с лошади большой мешок зерна, лежавший впереди него, и, заметив нищего, который, видно, и не думал скрываться, воскликнул:

– Как, и вы здесь, дядюшка Кадош? А ну-ка посторонитесь, я сброшу мешок.

– Я хотел помочь этим бедняжкам, – ответил нищий, – да тут так глубоко, что мне не перейти.

– Постойте здесь, старина, и не лезьте зря в воду, это в ваши годы опасно; я высвобожу дам и без вашей помощи.

И он направил к повозке свою лошадь, которая погрузилась в болото по самую грудь.

– Ну, сударыня, – сказал он весело, – подвиньтесь как можно ближе к оглобле и садитесь позади меня; это совсем легко, разве что кончики ботинок замочите, – у вас ведь не такие длинные ноги, как у вашего покорного слуги. И болван же ваш возница, завез в эту топь! Ведь чуть левее, в двух шагах отсюда, не будет и шести дюймов глубины.

– Мне очень жаль, что вам пришлось так промочить ноги, – сказала Марсель, – но мое дитя...

– А-а, мой маленький приятель, верно?! Передайте-ка его мне... вот сюда... он будет тут, впереди. Не бойтесь, он не ушибется о седло, – моя лошадь к седлу непривычна, да и я тоже. А вы, сударыня, садитесь сзади, да смелее: у Софи спина крепкая и ноги не спотыкаются.

И мельник бережно перевез мать и ребенка на траву.

– А я? – закричала Сюзетта. – Вы хотите бросить меня здесь?

– Никак нет, мамзель, – сказал Большой Луи, вернувшись за ней. – Я всех переправлю, будьте покойны; дайте мне заодно и вещи. А теперь, – сказал он, закончив выгрузку, – пусть этот горе-возница вытаскивает свою дрянную таратайку, когда ему вздумается; у меня нет ни вожжей, ни веревок, чтобы впрячь Софи, но вас, сударыня, я доведу, куда прикажете.

– А далеко отсюда до Бланшемона? – спросила Марсель.

– Еще бы, черт возьми! Ведь ваш кучер невесть куда заехал. Отсюда не меньше, чем два лье, и пока мы туда доберемся, все улягутся спать и достучаться будет нелегко. Но если вы не побрезгуете, то до моей мельницы в Анжибо всего какое-нибудь лье; у нас там не богато, но чисто, а матушка моя – женщина добрая и не поленилась встать, чтобы постлать чистые простыни и свернуть головки парочке цыплят. Согласны? Полноте, не стесняйтесь, сударыня! На войне как на войне, а на мельнице как на мельнице. Завтра же утром мы вытащим и почистим вашу повозку – ей ничего не станется, если она переночует на свежем воздухе, – и отвезем вас в Бланшемон, когда вам будет угодно.

В приглашении мельника чувствовалось радушие и даже своего рода чуткость. Марсель, тронутая его заботой и тем, что он упомянул о матери, поблагодарила и согласилась.

– Вот и отлично! – сказал Большой Луи. – Я вас не знаю, возможно, вы и в самом деле владелица Бланшемона; но для меня это безразлично, и будь вы хоть сам дьявол (а говорят, и он умеет стать красавцем, когда захочет), я рад, что избавил вас от тревожной ночи. Ах да! Что же это я бросил свой мешок с зерном; надо водрузить его обратно, – малыш сядет сверху, а мамаша сзади. Это вас ничуть не беспокоит, наоборот – на него удобнее опереться. А мамзель пойдет со мной пешком и будет беседовать с дядюшкой Кадошем; он не больно

щеголеват, зато умен. Да куда же это он скрылся, старый уж? – сказал он, ища глазами нищего, который вдруг исчез. – Эй вы, дядюшка Кадош! Пойдете к нам ночевать, а? Не отвечает: значит, на этот вечер у него другие намерения. Едемте, сударыня!

– Этот человек очень нас напугал, – сказала Марсель. – А вы его знаете?

– С тех пор, как себя помню. Он не злой, вы напрасно его испугались.

– Мне, однако, показалось, что он грозил нам, и его обращение на «ты» было, по моему, не очень дружелюбно.

– Так он говорил вам «ты»? Старый шут! И не стыдно ему? Но у него уж такая повадка, не надо обращать на это внимания. Он человек бесхитростный, чудак, – одним словом, дядюшка Кадош, «всем на свете дядюшка», как его прозвали. Он каждому встречному сулит оставить наследство, хоть сам гол, как его посох.

Марсель чувствовала себя очень удобно на спине сильного и спокойного животного. Малютка Эдуард, которого она крепко прижимала к груди, «наслаждался этим способом передвижения», как говорил старик Лафонтен[6 - ...«наслаждался этим способом передвижения», как говорил старик Лафонтен – слегка измененная строчка из басни Лафонтена «Мельник, его сын и осел»]; он пришпоривал своими маленькими ножками шею лошади, но она даже не чувствовала этого и не ускоряла ход. Софи шла, как настоящая лошадь мельника, которая не нуждается в поводьях, знает дорогу сама и пробирается в темноте вброд, по камням, никогда не ошибаясь и не спотыкаясь. По просьбе Марсели, беспокоившейся, как бы ее старому слуге не пришлось провести ночь под открытым небом, мельник несколько раз громко позвал его своим зычным голосом, и Лапьер, заблудившийся в ближних зарослях и уже около часу круживший на пространстве в один арпан, вскоре присоединился к их каравану.

Не прошло и часу, как до них стал доноситься шум плотины и первые проблески луны осветили крышу мельницы, увитую виноградной лозой, и серебристые берега реки, поросшие мятой и мыльнянкой.

Марсель, передав сына мельнику, легко спрыгнула на этот душистый ковер. Ребенок, гордый своей ролью всадника, крепко обнял ручонками шею мельника и весело закричал:

– Здравствуй, Лопасть!

Старушка мать, как и говорил Большой Луи, тотчас же безропотно поднялась с постели и с помощью молоденькой служанки быстро приготовила постели. Госпожа де Бланшмон нуждалась больше в отдыхе, чем в еде. Она не позволила старой мельничихе готовить ужин и, выпив чашку молока, измученная усталостью, вскоре уснула рядом с ребенком, утонув в неимоверно высокой пуховой перине. Эта постель, единственным недостатком которой является то, что она слишком тепла и мягка, вместе с туго набитым соломенным тюфяком составляет обычное ложе как бедных, так и богатых обитателей этого края, где разводятся много гусей и где бывают очень студеные зимы.

Утомившись долгим переездом и особенно приключением с повозкой, так сказать увенчавшим это путешествие, прекрасная парижанка охотно проспала бы до позднего утра, но, как только стало светать, пение петухов, мерный стук мельницы, громкий голос хозяина и все шумы крестьянского двора прервали ее сон. Кроме того, проснулся Эдуард и, возбужденный здоровым деревенским воздухом, стал кувыряться в постели. Ночевавшая в той же комнате Сюзетта, несмотря на гомон, доносившийся из окон, спала так крепко, что госпожа де Бланшмон посовестилась ее будить. И вот, начиная новую жизнь, на путь которой она твердо решила вступить, Марсель встала, оделась без помощи горничной, весело умыла и одела мальчика и вышла из комнаты, чтобы пожелать хозяевам доброго утра. Она встретила только батрака и девочку-служанку, которые сказали ей, что хозяин с хозяйкой ушли на дальний край луга принести чего-нибудь к завтраку. Желая узнать, в чем состояли их приготовления, Марсель перешла через деревянный мост, который служил в то же время мельничной запрудой, миновала тянущуюся справа молодую тополевую рощицу и пересекла поляну, идя по течению речки, или, вернее, глубокого ручья, который струился по цветущему лугу и был в этом месте не более десяти футов ширины. Этот узкий, но полноводный поток, обладая большой силой, образовал у подступа к мельнице неподвижный, глубокий и гладкий, как зеркало, пруд, где отражались старые ветлы и замшелые крыши хижин. Марсель задумалась, глядя на этот тихий уголок природы, который почему-то так много говорил ее сердцу. Ей приходилось видеть более красивые пейзажи, но это было одно из тех мест, при виде которых вас охватывает непреодолимое чувство умиления и кажется, что сама судьба привела вас туда для того, чтобы вы испытали там радости и печали или выполнили возложенный на вас долг.

Мельница

Когда Марсель вошла в большую рощу, где думала найти своих хозяев, ей показалось, что она попала в девственный лес. Кругом расстилались густые заросли. Почва была размыта и изрезана оврагами. Видно было, что речушка, разливаясь во время дождей, производила здесь немалые опустошения. Великолепные буки, ольхи и осины, наполовину вывороченные из земли, в величавом беспорядке склонялись друг над другом; их мощные корни лежали, обнаженные, на влажном песке, словно свившиеся в клубки гидры и змеи. Речка, растекаясь сетью мелких ручейков, исчертила причудливым узором зеленое пространство сверкающих росой лужаек, по которым ползли мощные лозы терновника, переплетаясь с высокими лесными травами, разросшимися на свободе во всей своей буйной красе. Никакой английский парк не мог бы воссоздать эту роскошь природы, эти живописные массивы зелени, это множество прудов то с песчаными, то с покрытыми цветочным ковром берегами, эти гирлянды зелени, перекинутые через потоки, эти прихотливые неровности почвы, эти прорванные плотины, эти сваи, поросшие мхом и как будто нарочно брошенные здесь, чтобы дополнить красоту пейзажа.

Марсель остановилась в восхищении и долго простояла бы так, погрузившись в мечтательное созерцание, если бы не маленький Эдуард, который носился по лесу, как вырвавшийся на свободу молодой олень; ему хотелось пробежать по гладким, как бархат, прибрежным пескам, чтобы отпечатать на них следы своих крохотных ножек. Страх, что он упадет в воду, заставил Марсель прийти в себя; она побежала за ним и, догоняя его, углублялась все дальше и дальше в эти зачарованные дебри; ей казалось, что она видит прекрасный сон, один из тех снов, когда природа является нам в своей совершенной красоте и нам чудится, что мы побывали в земном раю.

Наконец на противоположном берегу она увидела мельника и его мать. Он ловил сетью форель, она доила корову.

– Вот те раз! Наша милая гостья! Вы уже встали? – воскликнул мельник. – А мы тут для вас стараемся. Моя старенькая матушка все беспокоится, что нечем вас потчевать; а я говорю, что наше угощение будет от чистого сердца и вы не

взыщете. Мы не повара и не трактирщики, но когда гости кушают с аппетитом... а хозяева угощают от души...

– Напрасно вы так хлопчете обо мне, друзья мои, – сказала Марсель, направляясь к ним с ребенком на руках и смело ступая на доску, перекинутую вместо мостика. – Я еще никогда не спала так хорошо, как у вас, и никогда не видала такого чудесного утра. Но каких прекрасных форелей вы наловили, а ваша матушка надоила такого густого молока! Вы меня балуете, и я просто не знаю, как вас благодарить.

– Мы не желаем лучшей благодарности, как слышать, что вы довольны, – сказала старушка. – Нам никогда не приходилось принимать таких знатных господ, как вы, и мы не знаем настоящего обращения; но сразу видно, что вы особа благородная и не станете осуждать нас. Ну, пора домой, сейчас и лепешки поспеют. А малыш небось ягоды любит, – у нас есть и садик, пусть он там клубникой полакомится.

– Вы такие хорошие люди и у вас так красиво, что я готова провести здесь всю жизнь!

– Неужели? – добродушно усмехнулся мельник. – Ну, что ж, раз здесь вам по сердцу... Видите, матушка, наш край не так уж плох, как вам кажется! Недаром я говорил, что и богатой особе здесь может понравиться!

– Да, – сказала мельничиха, – разве что замок выстроить, только вряд ли будет он к месту.

– А вам здесь не нравится? – с удивлением спросила Марсель.

– Ну, мне-то уж ладно, – ответила старушка. – Я весь свой век провела в этом краю и, даст бог, тут и помру. Уж семьдесят пять лет, как я живу здесь, успела привыкнуть и поневоле довольствуюсь тем местом, которое отведено мне на белом свете. Но если бы вам, сударыня, довелось пожить у нас зимой, вы бы не сказали, что вам здесь нравится. Когда полые воды затопят наши луга и даже во двор к себе не выйдешь – нет, нет, какая уж тут красота!

– Ну, женщины всего боятся, – сказал Большой Луи. – Вы же знаете, что дома нашего вода не унесет и мельница у нас прочная. А уж с плохой погодой

приходится мириться. Всю зиму, матушка, вы ждете лета, а пока стоит лето, вы все горюете о том, как будет зимой. Но я вам скажу, что у нас можно жить счастливо и без забот.

– А почему у тебя слово с делом расходится? – возразила мать. – Это у тебя-то нет забот? Поди какая радость, что ты мельник и что дом твой то и дело заливает! Если бы я взяла да рассказала, как ты иногда жалуешься, что и мельница твоя никуда не годится и что богатства тебе никак не нажить...

– Стоит ли, матушка, труда повторять все глупости, какие у меня порою с языка срываются. – Говоря это тоном упрека, высокий мельник смотрел на мать с трогательной нежностью, почти с мольбой.

Этот разговор не казался Марсели таким пустым, каким он, быть может, представлялся до сих пор читателю. При ее необычном душевном состоянии она хотела услышать, что думают и говорят о своей жизни деревенские бедняки, которым все-таки живется легче, чем городской бедноте. Ей хотелось узнать эту жизнь или испытать ее на себе вовсе не потому, что она находилась во власти каких-то романтических идей. Анри, сомневаясь, что она способна на такой подвиг, дал ей довольно ясное понятие о подлинных лишениях и страданиях этих людей. Но она была уверена, что у нее хватит мужества перенести все невзгоды; интересуясь мнением своих хозяев, она хотела знать, смотрят ли они на жизнь философски или от природы равнодушны ко всему и доступно ли им, хотя бы в какой-то мере, чувство поэзии и любовь – это еще более возвышенное, более могущественное чувство, владевшее ею с такою силой. Едва только Большой Луи удалился, чтобы, как он выразился, отправить своих форелей на сковородку, она решила выказать некоторое любопытство.

– Так, значит, вы не чувствуете себя счастливой? – сказала она мельничихе. – И ваш сын, несмотря на свой веселый нрав, тоже бывает иногда недоволен жизнью?

– Ах, сударыня, – ответила добрая женщина, – я не желала бы никакого богатства и все бы меня радовало, будь только он у меня счастлив. Покойный муж мой всегда был всем доволен, и дело у нас спорилось; но он скончался, не успев семью на ноги поставить, и мне пришлось одной вести хозяйство и с горем пополам детей воспитывать. И досталось каждому не ахти какое наследство. Вот мой Луи получил мельницу. Его прозвали Большой Луи – как звали отца Большой Жан, а меня Большая Мария, потому что нашу семью ростом Бог не

обидел и все мои дети прямо великаны. В этом у нас нет недостатка, а что до остального богатства, так оно не бог весть как велико, и на многое рассчитывать не приходится.

– Но все-таки почему бы вам хотелось быть богаче? Разве вы страдаете от бедности? Мне кажется, что дом у вас не плохой, хлеб прекрасный, здоровье отличное.

– Да, да, слава богу, у нас есть все необходимое, а сколько людей, и не нам чета, в нужде живут. Но, надо вам сказать, сударыня, что человек бывает счастлив или несчастлив, смотря по тому, какое у него на этот счет понятие...

– Вы это совершенно правильно говорите, – сказала Марсель, пораженная простодушной мудростью и верным чутьем мельничихи. – Но, если вы так здраво рассуждаете, почему же вы недовольны?

– Да ведь это вовсе не я жалуясь, а мой Большой Луи, или, вернее сказать, я потому и сетую, что он недоволен и не жалуется: держит себя в руках и меня боится огорчить. А уж когда ему невмоготу, бедному моему сыночку, у него только одно слово вырывается, но у меня сердце так и падает. «Никогда, матушка, никогда!» – скажет, – и это значит, что он уж ни на что не надеется. Но нрав у него веселый (как у моего дорогого покойника), и он тут же опомнится и начнет всякие небылицы рассказывать, не то чтобы меня утешить, не то надеется, что задуманное все-таки сбудется.

– Что же это он задумал? Какой-нибудь чести домогается?

– Вот то-то и есть, что большой чести домогается, да только это одно сумасбродство. И не в деньгах тут дело, не жаден он нисколько! Когда был у нас семейный дележ, так ведь он братьям и сестрам все, что они хотели, уступил; а чуть только заведутся у него денежки, готов отдать их первому, кто попросит. И нет в нем никакого чванства: ведь он всегда по-крестьянски одевается, – а сам образование получил, и средств бы у него хватило одеться не хуже городских. Нет у него и дурных замашек, не любит он деньгами сорить и вообще всем довольствуется и свое место знает.

– Так в чем же дело? – спросила Марсель, незаметно покорившая мельничиху приветливым выражением лица и задушевым тоном.

– Само собой разумеется – любовь! – ответила мельничиха с таинственной улыбкой и той тонкой пронизательностью и душевной чуткостью, которые, когда дело касается чувства, мгновенно создают между женщинами доверие и взаимное сочувствие, невзирая на разницу в возрасте и общественном положении.

– Вы правы, – сказала Марсель, почувствовав эту внезапно установившуюся близость, – любовь – это главная забота молодости. Значит, женщина, которую он любит, богаче его?

– Что вы, она не замужем! Мой Луи слишком честен и не станет заглядываться на замужнюю! Это девушка, молодая и, надо сказать правду, красивая. Но она богата, очень богата! И сколько бы мы умом ни раскидывали, родители никогда не согласятся отдать ее за мельника.

Марсель, пораженная сходством между любовной историей мельника и своей собственной, почувствовала живое любопытство.

– Если эта девушка, красивая и добрая, – сказала она, – любит вашего сына, она в конце концов выйдет за него.

– Я то же самое говорю иногда; а что она его любит – меня, сударыня, не обманешь, хотя мой Луи этому не верит. Но она девушка разумная и не скажет мужчине, что пойдет за него против воли родителей. А потом, она не прочь посмеяться и подразнить, как это и полагается в ее возрасте; ведь ей только восемнадцать лет! Но ее уловки доводят бедного мальчика до отчаяния. Иной раз, когда вижу, что он ничего не ест и ворчит на Софи – это наша кобыла, с позволения сказать, – я ему выкладываю все, что думаю. И он мне как будто верит; он знает, что я лучше понимаю женское сердце. Я вижу, что красotka так и зардеется при встрече с ним, а когда приходит сюда, ищет его глазами. Мне бы, пожалуй, не следовало говорить ему это, – я только масла в огонь подливаю, надо бы стараться, чтобы он ее из головы выкинул.

– Почему? – спросила Марсель. – Для любви все возможно. Поверьте мне, матушка, любящая женщина преодолет все препятствия.

– Да, и я так думала в молодые годы. Мне казалось, что любовь женская – как река: когда разольется, все ломает и крушит на своем пути и ей нипочем все плотины и затворы. Я ведь тоже была богаче, чем мой Жан, а вот поди, вышла за него. Но между нами не было такой разницы, как между Луи и мамзель...

Вдруг Эдуард перебил рассказ мельничихи, бросившись к матери со словами:

– Мама! Здесь Анри!

VI

Надпись на дереве

Госпожа де Бланшмон вздрогнула и, еле удержав крик, готовый вырваться из ее груди, искала глазами, что могло вызвать возглас ребенка.

Взглянув в ту сторону, куда смотрел и указывал Эдуард, Марсель увидела имя, вырезанное перочинным ножом на коре дерева. Мальчик уже умел прочитать те слова, которые часто слышал, и имена, которые его научили разбирать. Он сразу прочел слово «Анри» на гладком стволе серебристого тополя и решил, что оно только что вырезано его другом. Увлеченная на мгновение фантазией сына, Марсель поверила ей и ждала, что вот-вот Анри выйдет из осинового рощи, – но тут же грустно улыбнулась тому, как легко поддалась мечте. Мы всегда цепляемся за ускользающую надежду, хотя бы и безумную, и Марсель не могла удержаться, чтобы не спросить у мельничихи, кто из ее домочадцев носит имя Анри.

– У нас такого имени что-то не слышать, – сказала Большая Мария. – Я таких не знаю. Правда, в городке Ноане есть одна семья по фамилии Анри, но это люди такие же неграмотные, как и я, и не умеют писать ни на бумаге, ни на коре... Разве что сын их вернулся из армии... но вряд ли, он уж с лишком два года сюда не наведывался.

– Так вы не знаете, кто мог это написать?

– А мне и невдомек, что там что-то написано. Я не приглядывалась, да если бы и увидела, мне все равно не прочесть. В свое время я бы могла кое-чему поучиться, да тогда этого не водилось. На казенных бумагах вместо подписи крест ставили, так оно и сходило перед законом.

Пришел мельник сказать, что завтрак готов, и, когда увидел, что Марсель внимательно разглядывает надпись, которой он сам раньше не заметил, хотя и был человек грамотный, он попытался объяснить, кто ее сделал.

– Не иначе как тот, что был здесь третьего дня, – сказал он, – а вообще из горожан сюда никто не заглядывает.

– А кто был здесь третьего дня? – спросила Марсель, стараясь принять равнодушный вид.

– Какой-то господин. Он нам своего имени не назвал, – ответила Большая Мария. – А мы хоть и не больно учены, а знаем, что допытываться у людей невежливо. У Луи на этот счет такие же понятия, как и у меня, он не похож на здешних, которые будут приставать к каждому встречному незнакомцу с расспросами. Мы никогда не желаем знать больше того, что нам скажут. А тот господин, видно, не хотел называть себя и говорить о своих делах.

– Но сам-то он задавал нам немало вопросов, этот малый, – заметил Большой Луи, – и мы бы тоже имели право порасспросить его. Да я не решился, сам не знаю почему. Он не был похож на плохого человека, и я не очень-то робок от природы, только вид у него был такой чудной, что мне даже жалко его стало.

– Какой же у него был вид? – спросила Марсель; ее любопытство и волнение возрастали с каждым словом мельника.

– Не могу вам объяснить, – ответил тот, – я не особенно-то присматривался и стал размышлять о нем, только когда он уехал. Помните, матушка?

– Да, ты мне сказал: «Вот, матушка, еще один, такой же, как я, ему тоже чего-то не хватает в жизни».

– Ну, ну, этого я вовсе не говорил, – возразил Большой Луи: он боялся, как бы мать не выдала его тайны, и не подозревал, что она уже известна. – Я просто сказал: «Вот еще один чудака, который, видно, не очень-то доволен своею жизнью».

– Вы говорите, что у него был очень печальный вид? – в волнении спросила Марсель.

– Мне казалось, что у него на сердце какая-то забота. Он по крайней мере часа три просидел совсем один на том месте, где вы сейчас стоите, и все смотрел, как течет река, словно хотел пересчитать ее по каплям. Я было подумал, не болен ли он, и раза два предлагал ему войти в дом, чтобы подкрепиться, но всякий раз, как я его окликал, он вздрагивал, как будто сердился, но тут же лицо его становилось приветливым и добрым, и он благодарил меня. Кончилось тем, что он согласился съесть кусок хлеба и выпил стакан воды. Вот и все.

– Это Анри! – воскликнул маленький Эдуард, который, уцепившись за платье матери, внимательно слушал. – Ты ведь знаешь, мама, что Анри никогда не пьет вина.

Госпожа де Бланшмон покраснела, потом побледнела и снова покраснела и, тщетно стараясь говорить спокойно, спросила, по какому делу приходил сюда этот незнакомец.

– Не знаю, – ответил мельник и, посмотрев пристальным и испытующим взглядом на прекрасное, взволнованное лицо молодой дамы, подумал:

«Вот еще и эта, как я, – забрала себе что-то в голову!»

И чтобы по возможности удовлетворить любопытство Марсели, вызванное незнакомцем, а заодно и свое собственное относительно чувств гостя, он охотно сообщил ей все подробности, которых она с трепетом от него ждала.

Молодой человек пришел сюда недели две назад, пешком. Два дня он скитался по Валле-Нуар, а затем исчез бесследно. Никто не знал, где он проводил ночи, и мельник предполагал, что под открытым небом. Денег у него, по-видимому, было не слишком много; однако он хотел заплатить за свой скудный ужин на мельнице, а когда мельник отказался от денег, он от души поблагодарил – как

человек, который не стыдится принять гостеприимство от равного. Одет он был опрятно, как мастеровой или деревенский буржуа; на нем была блуза и соломенная шляпа, а за спиной довольно тощий дорожный мешок. Время от времени он снимал его, клал на колени, вытаскивал оттуда бумагу и что-то записывал. По его словам, он побывал в Бланшемоне, но его там никто не видал. Между тем он говорил о ферме и старом замке, как будто все рассмотрел подробно. Ужиная хлебом с водой, он расспрашивал мельника о размерах поместья, о его доходности, на какую сумму оно было заложено, о нраве и репутации фермера, о тратах покойного господина де Бланшемон, о прочих его землях и т. д. В конце концов на мельнице решили, что он поверенный, присланный каким-нибудь покупателем с целью собрать сведения об имении.

– Ведь говорят, что земельные угодья Бланшемона поступят в продажу, – если еще не преданы, – добавил мельник. Несмотря на утверждения его матери, он еще не совсем излечился от любопытства, которым страдали здешние крестьяне.

Марсель думала совсем о другом и не слышала последних слов мельника.

– Сколько лет может быть этому незнакомцу? – спросила она.

– Если судить по виду, – ответила мельничиха, – он, должно быть, в одних годах с Луи, лет двадцать пять.

– А... каков он из себя? Брюнет, среднего роста?

– Да, ростом он невысок и волосы у него темные, – сказал мельник. – И лицом недурен, да очень уж бледный – видно, здоровье у него не слишком крепкое.

«Весьма возможно, что это Анри», – подумала Марсель, хотя это описание, довольно нелестное, не совсем соответствовало идеальному образу, который жил в ее душе.

– Это человек в делах не очень сговорчивый, – продолжал Луи. – Чтобы оказать услугу господину Бриколену, фермеру Бланшемонов, который метит в покупателя поместья, и чтобы отбить охоту у этого малого, я не очень-то хвалил ему имение; но парень не дал себя провести. Земля стоит столько-то и столько-то, говорил он, и досконально высчитывал налоги, доходы и расходы; видно, он в

этом хорошо разбирается и ему нет надобности без конца толковать за выпивкой, – как принято у нас, – стоящее ли это дело или нестоящее».

«Да я с ума сошла! – думала госпожа де Бланшмон. – Это какой-то проходимец или маклер, которому поручено приобрести земли в здешних местах, а то, что он с печальным и мечтательным видом сидел на берегу реки, объясняется просто жарой и усталостью. Что же касается имени Анри, если даже допустить, что он его и вырезал, то это простое совпадение. Анри никогда не занимался делами, никогда не интересовался ни ценами на землю, ни вообще какими бы то ни было материальными благами. Нет, нет, это не он! Кроме того, две недели назад он был в Париже; прошло всего три дня, как я его видела, и он не говорил мне, что уезжал куда-нибудь. Какие могли быть у него дела в Валле-Нуар? Знал ли он даже, что Бланшмон, о котором, сколько мне помнится, я ему ничего не говорила, находится в этих краях?»

Не без труда оторвав взгляд от таинственной надписи, приковавшей ее мысли, она вместе со своими хозяевами направилась в дом. Здесь, на большом дубовом столе, покрытом белоснежной скатертью, был приготовлен обильный завтрак. Пшеничник (любимое местное блюдо) – крутая каша из разбухших зерен пшеницы, сдобренная молоком, пирог с грушами и пряной подливкой, воврская форель, нежные молодые цыплята, изжаренные на решетке, салат, приправленный кипящим ореховым маслом, овечий сыр и не совсем созревшие фрукты – все это показалось Эдуарду необыкновенно вкусным. На том же столе стояли приборы для хозяев и двух слуг госпожи де Бланшмон, и мельничиха была немало удивлена, когда Лапьер и Сюзетта отказались сесть за один стол со своей госпожой. Но Марсель настояла, чтобы они подчинились деревенскому обычаю. Ее радовала эта новая жизнь, основанная на равенстве, которое стало так дорого ее сердцу.

Обхождение мельника было простым и непринужденным, но отнюдь не грубым, мать же его была даже чересчур предупредительна; и, несмотря на то, что Большой Луи, у которого здравый смысл заменял хорошее воспитание, все время останавливал ее, она с излишним усердием потчевала гостей, заставляя их есть побольше; но делала это от души и не казалась Марсели докучливой. Старая мельничиха была добра и рассудительна, и в этом отношении сын был очень похож на нее. У него к тому же был порядочный запас необходимых знаний, он окончил начальную школу, кое-что читал и во многом хорошо разбирался, но не щеголял этим. Сейчас в беседе с Марсель он обнаружил гораздо больше разумных взглядов, здравых понятий и врожденного такта, чем она могла

ожидать от него после встречи накануне, на постоялом дворе. И тем приятнее было, что он не выставлял этих качеств напоказ, не кичился ими и, прекрасно понимая, что требуется от человека воспитанного, держал себя, как крестьянин, нарочито подчеркивая свою простоту. Казалось, что он больше всего боялся прослыть деревенским умником и глубоко презирал тех, кто отрекается от своего рода и племени и своего честного звания, напуская на себя нелепую важность. Речь его была вполне правильна, хотя он нередко прибегал к местным выражениям, безыскусственным и красочным. Когда же он увлекался, он говорил так хорошо, что никто даже и не заподозрил бы в нем простого мельника, но вдруг, как будто спохватившись, что он говорит языком, ему несвойственным, Большой Луи снова принимал свой безобидно-шутливый, непринужденный, однако чуждый фамильярности тон.

К семи часам утра явился возница, чтобы отвезти их в Бланшмон, и Марсель, прощаясь с хозяевами, не без смущения предложила им плату, чтобы возместить расходы. Но они отказались наотрез.

– Нет, дорогая госпожа, – сказал ей мельник, просто и решительно, – у нас не постоянный двор. Мы могли бы этим заниматься, тут нет ничего зазорного. Но раз это не так, мы денег не возьмем.

– Как, – воскликнула Марсель, – я причинила вам столько беспокойства и такой расход, а вы не позволяете мне отблагодарить вас? Ведь я знаю, что ваша матушка уступила мне свою комнату, отняла у вас кровать, и вы спали на сеновале. Сегодня утром вы бросили всю работу, чтобы наловить рыбы. Ваша матушка топила печь, хлопотала, и вы на славу угостили нас.

– О, матушка спала отлично, а я еще того лучше, – ответил Большой Луи. – Воврская форель мне ничего не стоила: сегодня воскресенье, а в воскресное утро я всегда ловлю рыбу.

А то, что мы истратили на завтрак немного молока, муки и зарезали каких-то там цыплят, нас не разорит. Словом, услуга не велика, и вы можете принять ее с легким сердцем. Попреков вы от нас не услышите, тем более что мы, быть может, никогда с вами и не встретимся.

– А я надеюсь, что еще увижусь с вами, – возразила Марсель, – я рассчитываю прожить в Бланшмоне несколько дней, и мне бы очень хотелось еще раз

побывать у вас, чтобы поблагодарить вашу матушку и вас за радушие и гостеприимство; мне, право, неловко принимать его таким образом.

– Напрасно вас смущает эта ничтожная услуга. Для честных людей нет лучшей платы, как видеть, что их радушие было приятно. Я знаю, что в больших городах надо платить за все, даже за стакан воды. Это скверный обычай, и у нас, в деревнях, людям приходилось бы очень плохо, если бы они не помогали друг другу. Полноте, полноте, стоит ли говорить об этом!

– Значит, вы не хотите, чтобы я еще раз приехала к вам позавтракать? Значит, я должна, чтобы не быть навязчивой, отказаться от такого удовольствия?

– Вы не правы. Предложив вам гостеприимство, мы только исполнили свой долг, так как привыкли считать это своей обязанностью, и хотя добрые обычаи мало-помалу исчезают и люди бедные, не требуя платы за свои скромные услуги, попросту принимают то, что им дают проезжие, мы с матерью не согласны отступать от старых обычаев. Если бы где-нибудь поблизости был приличный постоялый двор, я вчера же вечером отвез бы вас туда, предполагая, что там вам будет удобнее, чем у нас, и видя, что вы в состоянии заплатить за кров. Но здесь нет постоянного двора, ни хорошего, ни плохого, а я не такой бессердечный человек, чтобы оставить вас ночевать под открытым небом. Неужели вы думаете, что я пригласил бы вас к себе, если бы намеревался взять за это плату? Нет, я уж вам сказал, что у нас нет постоянного двора, поглядите-ка: над дверью нет ни остролиста, ни дрека[7 - ...над дверью нет ни остролиста, ни дрека. – В 1557 г. Генрих III издал эдикт, по которому владельцам постоялых дворов предписывалось иметь вывески вместо пучка веток, как было принято с давних времен. Но обычай прикреплять взамен вывески зелень к воротам или к специальному шесту сохранился, особенно в деревнях.].

– Я должна была заметить это, входя сюда, – сказала Марсель, – и подумать заранее. Но вы не отвечаете на мой вопрос? Вы не хотите, чтобы я еще раз приехала сюда?

– Я этого не сказал! Приезжайте к нам, когда вам будет угодно, во всякое время. Вам нравится наша местность, а вашему мальчугану по вкусу наши лепешки. Смею вас заверить, что, когда бы вы ни приехали, мы будем очень рады.

– И вы хотите, чтобы я все принимала от вас даром?

- Конечно, раз я вас приглашаю! Неужели вы меня не поняли?

- А это не будет значить, что я злоупотребляю вашим гостеприимством?

- По-моему, нет. Когда человека приглашают – его право воспользоваться приглашением.

- Да, – сказала госпожа де Бланшмон, – это я понимаю, это истинное радушие, но в нашем кругу его не встретишь. Вы проявили настоящую деликатность. Этого столь похвального качества, к сожалению, очень недостает в нашем обществе, где доброжелательность уступает место церемонности, а обходительность отнюдь не доказывает искреннего расположения.

- Это вы верно говорите, – сказал мельник, и его умные глаза загорелись, – я очень рад, что мог оказать вам услугу, честное слово!

- В таком случае позвольте пригласить вас к себе, когда вы будете в Бланшмоне?

- Нет, нет, уж извините! К вам я не явлюсь. Я, как всегда, приеду к вашим арендаторам, привезу им муку и засвидетельствую вам свое почтение, вот и все!

- Так вы, господин Луи, не хотите позавтракать у меня?

- И да, и нет! Я часто обедаю у ваших фермеров, но если вы там будете, тогда другое дело. Вы знатная дама – и этим все сказано.

- Объяснитесь, я не понимаю.

- Полноте, разве вы забыли обычаи прежних господ? Разве вы вашего мельника не послали бы на кухню есть со слугами? Мне не было бы обидно есть с ними за одним столом, вы убедились в этом сегодня утром, но мне показалось бы странным, что я вас пригласил к себе, а сам не могу сесть за ваш стол, к вашему очагу. Видите, у меня тоже есть своя гордость. Я не осуждаю вас, у каждого свои взгляды и обычаи, и незачем без надобности менять их на чужие.

Марсель была крайне поражена рассудительностью и смелой прямоотой мельника. Она поняла, что он дал ей превосходный урок, и радовалась, что новые взгляды позволяют ей принять это нравоучение не краснея.

– Господин Луи, – сказала она, – вы ошибаетесь во мне. Я не виновата, что я знатна, но, по счастью или по воле случая, я не стану больше следовать обычаям света. Если вы посетите меня, я не забуду, что была принята вами как равная и что вы накормили меня как своего ближнего, а чтобы доказать, что я не хочу быть неблагодарной, я сама, если придется, накрою стол для вас и вашей матушки, как вы сделали это для меня.

– Вы и вправду так поступите? – воскликнул мельник, смотря на Марсель с выражением удивления, почтительного недоверия и дружеской симпатии. – В таком случае я согласен... или нет, не согласен, так как вижу, что вы благородная особа.

– Я не понимаю, что вы хотите этим сказать!

– Как же вы не понимаете... а я затрудняюсь сказать яснее.

– Послушай, Луи, никак ты с ума сошел, – перебила его старая Мария, которая до сих пор, сидя за вязаньем, внимательно слушала этот разговор. – И откуда это все у тебя берется? Вишь, чего наговорил нашей госпоже! Простите, сударыня, ведь экая шальная головушка, – он тебе всякому, и старому и малому, выложит все, что у него на уме! Вы на него не гневайтесь, сердце-то у него доброе, верьте мне Я вот сейчас по лицу вижу, что он готов за вас в огонь и в воду.

– В огонь еще подумаю, – сказал мельник смеясь, – а в воду хоть сейчас – это моя стихия! Разве вы не видите, матушка, что наша госпожа – женщина с умом и ей можно сказать все, что думаешь? Я ведь все говорю господину Бриколену, ее фермеру, а уж его мы должны больше бояться, чем ее.

– Так продолжайте, господин Луи, договаривайте, я рада поучиться. Почему же это, если я «благородная особа», вы ко мне не придете?

– Потому что нам не следует к вам в друзья навязываться, а вам – обращаться с нами, как с ровней. Это может доставить вам неприятности. Люди вашего круга осудят вас, скажут, что вы забываете о своем положении, – я знаю, что это, на их

взгляд, очень плохо. А затем, если вы так добры к нам, надо быть такой же и ко всем другим, иначе появится зависть и мы наживем себе врагов. У каждого своя дорога в жизни. Говорят, что за последние пятьдесят лет мир сильно изменился; а я считаю, что ничего не изменилось, кроме понятий нашего брата-бедняка. Мы не желаем больше жить в подчинении, а моя мать, славная женщина, которую я очень люблю, на многое смотрит иначе, чем я. Но богачи и дворяне остались при тех же понятиях, что и раньше. И если вы не разделяете их взглядов, если у вас нет презрения к бедным людям, если вы оказываете им то же уважение, что и людям вашего звания, то вам, пожалуй, непоздоровится. Мне приходилось часто встречаться с покойным господином де Бланшомон, вашим супругом, которого кое-кто еще называл сеньором; он приезжал сюда каждый год дня на два, на три. Он говорил нам «ты». Будь это по-дружески – еще куда ни шло, но он презирал нас; разговаривать с ним надо было стоя и сняв шапку. Это было совсем не по мне. Как-то раз мы встретились на дороге, и он велел подержать ему лошадь. Я сделал вид, что не слышу, тогда он обозвал меня грубияном. Я этак искоса поглядел на него, и, не будь он таким хилым и тщедушным, ему бы несдобровать. Но это было бы подло с моей стороны, и я, напевая, пошел дальше. Если бы он был сейчас жив и слышал, как вы со мной разговариваете, вряд ли ему это понравилось бы. Да что там – даже по лицам ваших слуг я сегодня заметил, что они не одобряют, как вы обращаетесь с нашим братом и с ними же самими. Так вот что, сударыня, приезжайте уж вы сами к нам на мельницу прогуляться, а мы слишком вас любим и почитаем, чтобы садиться с вами за один стол в замке!

– За эти ваши слова я вам прощаю все остальное и надеюсь вас убедить, – сказала Марсель, протягивая ему руку с тем выражением достоинства и чистоты, которое требует к себе уважения, и с той приветливостью, которая располагает к себе сердца.

Приняв эту нежную ручку в свою широкую ладонь, мельник покраснел и впервые почувствовал робость, как дерзкий, но добрый ребенок, вдруг присмиривший от смущения.

– А теперь я сяду на свою лошадку и провожу вас до Бланшомона, – сказал он, когда прошел этот момент неловкого молчания, – а то как бы ваш горе-возница опять не завез вас невесть куда, – хотя тут уже рукой подать.

– Отлично, я согласна! – воскликнула Марсель. – Неужели вы и теперь скажете, что я гордая?

– Нет, я скажу... я скажу вам, – поспешно направляясь к двери, вскричал Большой Луи, – что если бы все богатые женщины были, как вы...

Конец фразы не долетел до них, и старушка мать решила сама докончить ее.

– Он, видно, думает, – сказала она, – что если бы та девушка, которую он любит, не была бы гордячкой, ему не пришлось бы столько мучиться.

– А я не могу быть ему полезной? – спросила Марсель, с удовольствием вспоминая в этот момент, что она богата и щедра на добрые дела.

– Может, вы замолвите о нем словечко перед этой девушкой? Ведь вам не миновать с ней познакомиться... Да нег, куда уж, слишком она богата!

– Мы еще с вами поговорим, – сказала Марсель, увидев, что ее слуги пришли за вещами. – Я нарочно приеду к вам для этого... скоро, даже завтра, быть может.

Возница, рыжий и злой, в темноте не найдя в Валле-Нуар ни одного дома, ночевал под деревом. На рассвете он пришел на мельницу, где приютили и накормили и его, и лошадь. Он продолжал злиться и, ожидая попреков, готов был наговорить дерзостей. Но Марсель ему ничего не сказала; а мельник осыпал его такими насмешками, что он не нашелся, что ответить, и, пристыженный, уселся на облучок. Маленький Эдуард упросил мать позволить ему сесть на лошадь к мельнику, который с нежностью обнял его и тихонько сказал старой Марии:

– Вот бы нам такого, как в доме-то стало бы весело! Верно, матушка? Но этому никогда не бывать!

И мать поняла, что он решил жениться только на той, которой, здраво рассуждая, не смел и домогаться.

VII

Бланшесмон

Расцеловавшись с мельничихой и незаметно для нее щедро вознаградив работников на мельнице, Марсель весело вскочила в злополучную повозку. Первый опыт равенства окрылил ее, и продолжение романа, который ей так хотелось довести до конца, представлялось ей в самых радужных красках. Но уже внешний вид Бланшемона странным образом омрачил ее мысли и, когда она въехала в ворота своего поместья, сердце у нее сжалось.

Если вы подыметесь вверх по течению Вовры и преодолете довольно крутой подъем, вы окажетесь на холме Бланшемон. Он покрыт ярко-зеленой травой и осенен вековыми деревьями. Оттуда открывается очаровательный вид на Валле-Нуар – ландшафт не очень обширный, но живописный, немного грустный и издали почти пустынный: соломенные и черепичные кровли редких жилищ едва виднеются сквозь густую листву.

Ветхая церковь и небольшие домики поселка лепятся вокруг холма, который полого спускается к реке, образующей в этом месте красивые излучины. Отсюда идет широкая, вся в рытвинах, дорога к замку, расположенному немного поодаль, у подножия холма, среди колосющихся нив. Спустившись в долину, вы теряете из виду дали Берри и Марша, и надо подняться на второй этаж замка, чтобы увидеть их.

Замок Бланшемон никогда не был сильно укреплен; его стены у основания не толще шести футов, стройные башни выступают за пределы стен. Он был построен уже к концу феодальных войн, однако его узкие двери и редко расположенные окна, а также развалины крепостных стен и башенок, служивших внешним поясом укреплений, напоминают о тревожных временах, когда нужна была защита на случай внезапного нападения. По архитектуре замок не лишен изящества. Это удлиненное четырехугольное строение с башнями по углам: каждый этаж состоит из большого зала и четырех комнат поменьше – в угловых башнях; еще одна башня, с задней стороны замка, служит клеткой единственной здесь лестницы. Часовня стоит особняком, так как соединявшие ее с замком старые службы обрушились; рвы частью засыпаны; от башен внешних укреплений осталось только основание, а на месте пруда, некогда омывавшего замок с севера, теперь расстилается красивый продолговатый луг, посередине которого бьет родник.

Все еще живописный, облик старого замка сначала не очень поразил владелицу Бланшемона. Помогая ей выйти из повозки, мельник указал на так называемый

новый замок и на обширные строения фермы, расположенные ниже старого замка, вокруг огромного двора, замкнутого с одной стороны зубчатой стеной, а с другой – оградой и рвом, наполненным грязной водой. Это жилище богатых фермеров имело на редкость унылый и неприглядный вид. Новый замок был не что иное, как большой крестьянский дом, построенный лет пятьдесят назад из обломков разрушенных укреплений. Однако сейчас он был свежо оштукатурен и покрыт новой ярко-красной черепицей. И рядом с этим подновленным домом еще больше бросалась в глаза неприглядность служб и омерзительный вид двора. Эти мрачные здания, носившие следы старинного зодчества, но еще крепкие и содержащиеся в порядке, составляли сплошной ряд конюшен и амбаров, которые являлись гордостью здешнего фермера и вызывали восхищение всех окрестных земледельцев. Но эта цепь столь полезных хозяйственных построек, удобных для содержания скота и для хранения урожая, замыкала взор и мысль в безотрадном, сером, грязном до отвращения пространстве. Выложенные камнем квадратные ямы были наполнены навозом, груды которого возвышались над ними еще футов на десять – двенадцать; отсюда во все стороны беспрепятственно растекалась зловонная жижа и лилась в расположенные ниже двора огороды, орошая их. Такие обильные запасы удобрения пленяют взор земледельца и составляют его драгоценнейшее сокровище; он с торжеством показывает их своему соседу, который не без зависти любит ими.

В мелких крестьянских усадьбах эти стороны сельского хозяйства не оскорбляют ни взора, ни эстетического чувства художника. На фоне природы, в ее зеленом обрамлении, этот беспорядок, эти раскиданные всюду орудия земледелия стушевываются и даже выигрывают, но зрелище нечистот в больших размерах, на огромном пространстве производит самое отталкивающее впечатление. Индейки, утки, гуси целыми стадами бродили по двору, как будто для того, чтобы человек не мог сделать шагу, не ступив в грязь. Через неровную вытопанную площадку была проложена мощеная дорожка, в ту пору такая же непроходимая, как и весь остальной двор. Вокруг нового замка были свалены обломки его старой кровли, и надо было пробираться буквально через целое поле битой черепицы. Между тем после окончания кровельных работ прошло почти полгода. Починка дома производилась за счет владельца, а уборка мусора и очистка двора возлагались на фермера, и он решил заняться этим после окончания летних работ, чтобы не отвлекать работников в страдное время. С одной стороны, это был вопрос выгоды, с другой – результат глубокого равнодушия беррийца, который вечно оставляет дело незаконченным, как будто после каждого усилия его истощенная энергия требует отдыха и, прежде чем завершить дело, ему необходимо насладиться праздностью.

Марсель сравнивала этот грубый, отталкивающий быт богатого земледельца с полной поэзией скромной жизнью мельника, и ей хотелось поделиться с ним своими мыслями, но она не могла вымолвить ни слова, оглушенная отчаянными криками потревоженных и застывших от ужаса индеек, шипением гусынь, окруженных своими выводками, и лаем четырех или пяти тощих рыжих собак. День был воскресный, быки оставались в стойлах, и работники, одетые по-праздничному в ярко-синее сукно, стояли у ворот. Они с удивлением смотрели на въезжавшую во двор повозку, но ни один из них не потрудился сообщить фермеру о приезде гостей. Большому Луи пришлось самому ввести госпожу де Бланшмон в дом; он вошел запросто, не стуча, и позвал:

– Госпожа Бриколен, пойдите-ка сюда! К вам приехала госпожа де Бланшмон.

Это неожиданное событие всполошило всех трех хозяек, которые только что вернулись от обедни и жевали на ходу свой незатейливый завтрак. Они совсем растерялись и смотрели друг на друга, недоумевая, что надо сделать и что сказать в таком случае; и, когда Марсель вошла в комнату, они еще не сдвинулись с места. Перед ней стояли представительницы трех поколений: мать Бриколена – неграмотная старуха, в крестьянском платье; госпожа Бриколен, жена фермера, одетая немного наряднее, чем ее свекровь, и похожая на домоправительницу деревенского кюре; она умела разборчиво подписать свое имя и находила в Льежском альманахе [8 - Льежский альманах – один из самых старых альманахов во Франции, составленный в 1636 г. Матье Ленсбергом. В нем содержатся незамысловатые истории, ничем не подтвержденные прогнозы погоды и другие малодостоверные сведения. Чтение Льежского альманаха характеризует уровень развития четы Бриколенов.] часы восхода солнца и фазы луны; и наконец очаровательная мадемуазель Роза Бриколен, в самом деле свежая, словно роза мая; она запоем читала романы, умела вести запись хозяйственных расходов и танцевать контрданс. Девушка была без чепчика, в прелестном розовом кисейном платье, которое чудесно обрисовывало ее красивую фигуру; сшитое по последней моде, с чересчур облегающим лифом и узкими рукавами, оно излишне подчеркивало округлость ее форм. Восхитительное личико дочери, лукавое и вместе с тем наивное, сразу сгладило неприятное впечатление от злой и кислой физиономии матери. У бабушки Бриколен, загорелой, морщинистой крестьянки, много видевшей на своем веку, выражение лица было открытое и смелое. Три женщины стояли и растерянно глядели на гостью. Старуха Бриколен простодушно спрашивала себя: кто эта молодая красивая госпожа? Уж не та ли, что лет тридцать назад несколько раз приезжала в замок (то есть мать Марсели, хотя она и слыхала о ее смерти)?

Госпожа Бриколен, фермерша, досадовала, что, придя из церкви, поспешила надеть поверх коричневого шерстяного платья кухонный передник. А мадемуазель Роза, вспомнив, что на ней праздничный наряд и красивая обувь, радовалась, что благодаря воскресенью изящная парижанка не застала ее за какой-нибудь будничной домашней работой и ей не приходится краснеть.

Госпожа Бланшмон представлялась членам семьи Бриколенов каким-то загадочным существом, которое, быть может, и жило где-то там, далеко, но сами они ее никогда не видали и, наверно, не увидят. Они знали ее мужа и очень не любили его за то, что он держался высокомерно, не уважали, потому что он был расточителен, и нисколько не боялись, потому что он всегда нуждался в деньгах и брал вперед на любых условиях. После его смерти они решили, что теперь будут иметь дело только с поверенным, тем более что покойный барон, предъявляя подпись жены, в которой она никогда не отказывала ему, неизменно говорил: «Госпожа де Бланшмон настоящий ребенок, она ни за что не будет заниматься всем этим; ей нет дела, откуда берутся деньги, лишь бы я ее снабжал ими». Ясно, что муж имел обыкновение относить непомерные расходы на своих любовниц за счет мотовства жены. Поэтому никто и понятия не имел о подлинном характере молодой вдовы, и ее приезд в Бланшмон был так неожидан, что госпожа Бриколен спрашивала себя, уж не снится ли ей это, и не знала, радоваться ли ей или огорчаться. К добру ли это или к худу? Будет ли эта особа просить или требовать?

В то время как фермерша, ошеломленная этим непредвиденным событием, смотрела на Марсель насторожившись, словно коза, готовая защищаться при виде чужой собаки в стаде, а Роза Бриколен была сразу покорена приветливым видом и скромным нарядом приезжей и уже сделала движение ей навстречу, – бабушка оказалась самой решительной. Оправившись от неожиданности, она не без труда поняла, кто перед ней, и, подойдя к Марсели, приветствовала ее с грубоватым радушием, почти теми же словами, что и мельничиха, только с меньшим достоинством и обходительностью. Хозяйка с дочерью, ободренные мягким и ласковым тоном, которым Марсель попросила приютить ее на два-три дня, пока она договорится с господином Бриколеном о своих делах, поспешили пригласить ее откусать.

Марсель поблагодарила, сказав, что всего час назад отлично позавтракала на мельнице Анжибо, – и только тогда глаза всех трех женщин устремились на Большого Луи, который стоял у дверей и, чтобы подольше задержаться, завел со служанкой разговор о муке. Но как различны были эти взгляды! Бабушка

посмотрела на него дружелюбно; ее невестка – пренебрежительно; а во взгляде Розы было что-то неопределенное и неуловимое, как будто в нем смешивались чувства двух других женщин.

– Как, – воскликнула госпожа Бриколен насмешливо-сочувственным тоном, когда Марсель в нескольких словах рассказала о ночном происшествии, – вам пришлось ночевать на мельнице? И мы ничего не знали! Почему же этот растяпа мельник сразу не привез вас сюда? Ах ты господи, какую ужасную ночь пришлось вам провести, сударыня!

– Что вы, наоборот, все было прекрасно! Меня приняли, как королеву, и я бесконечно обязана господину Луи и его матушке.

– Да так оно и должно быть, – сказала бабушка Бриколен, – Большая Мария такая умница, и в доме у нее чистота и порядок. Мы с ней подруги с ранних лет, с позволения сказать, вместе овец пасли; и как будто обе тогда считались красивыми девушками, – да теперь ничего от этого не осталось, не правда ли, сударыня? Мы с ней только и знали, что прясть, вязать да сыры варить – вот и все. А замуж вышли совсем по-разному: она взяла мужа победнее, а я побогаче себя. Но обе пошли за них по любви! В наше время это еще водилось, а вот нынче женятся все больше по расчету, за деньгами гонятся, а о любви и не думают. Да ничего в этом нет хорошего, сами знаете, сударыня!

– Я совершенно с вами согласна, – ответила Марсель.

– Ах, боже мой, и к чему вы, мамаша, все это нашей госпоже рассказываете? – воскликнула с досадой фермерша. – Вы думаете, ей интересны ваши старые истории? Эй, мельник, – позвала она повелительным тоном, – подите-ка посмотрите, нет ли где господина Бриколена; может, он в парке или на овсяном поле, что за домом. Скажите, что приехала госпожа де Бланшмон.

– Господина Бриколена, – ответил мельник, с веселым задором глядя на фермершу своими ясными глазами, – нет ни на овсяном поле, ни в парке, но я видел мимоходом, что он сидит у господина кюре и они вместе вино потягивают.

– Вот-вот! – сказала мать Бриколена. – Не иначе как он у кюре. Тот, видно, после обедни проголодался, да и в горле у него пересохло, – а он любит, чтобы ему компанию поддержали. Будь добр, Луи, сходи за ним, сынок, ведь ты всегда рад

услужить.

– Сию минуту, – ответил мельник, который на приказание фермерши даже не обернулся, но это поручение мигом бросился исполнять.

– Если вы считаете этого парня услужливым, – проворчала госпожа Бриколен, сердито посмотрев на свекровь, – то вам нетрудно угодить.

– Ах, мама, зачем ты так говоришь? – кротко сказала красавица Роза. – У Большого Луи очень доброе сердце.

– А на что вам нужно его доброе сердце? – возразила фермерша с явным раздражением. – С чего это вы обе так с ним носитесь в последнее время?

– Нет, мама, это ты с некоторых пор стала к нему несправедлива, – ответила Роза, которая, по-видимому, не очень боялась матери, зная, что бабушка всегда за нее заступится. – Ты вечно нападаешь на него, а ведь папа очень его уважает.

– Ну, ты у меня тут не умничай, – сказала фермерша, – а ступай лучше и приготовь для госпожи де Бланшмон свою комнату, она у нас в доме самая лучшая. Может быть, ей захочется отдохнуть до обеда. Уж вы не взыщите, сударыня, если у нас вам будет не совсем удобно. Ведь вот только в прошлом году покойный господин де Бланшмон разрешил подправить немного новый замок, а то он был почти такой же ветхий, как и старый, и мы собрались обставить его поприличнее, как только был подписан новый договор. Да еще не все готово, не все комнаты оклеены обоями и еще не привезли из Буржа кровати и комоды. Часть мебели пришла, да не распакована. Вот и живем кое-как, с тех пор как рабочие тут все вверх дном перевернули.

Домашний беспорядок, о котором госпожа Бриколен так обстоятельно докладывала, объяснялся тем же, что и грязь, которую Марсель наблюдала на дворе фермы. Скардность и равнодушие заставляли хозяев надолго откладывать расходы и бесконечно отдалять момент наслаждения долгожданной и вполне доступной теперь роскошью, которую никто не решался себе разрешить. Мрачная закоптелая комната, где застала хозяйка владелица замка, была самой скверной и самой грязной во всем доме. Она служила одновременно кухней, столовой и приемной. Так как дверь находилась на уровне земли и была всегда открыта, то сюда постоянно забегали куры, и фермерша

только и делала, что выгоняла их. Казалось, нашествия птицы, вызывая в этой женщине непрерывное раздражение и необходимость жестокой расправы, давали выход ее потребности действовать и кого-то карать. В этой же комнате принимали крестьян, приходивших по делу во всякое время дня; и так как обувь у них была всегда облеплена грязью и они не стеснялись в своих привычках, то, будь в комнате паркет и хорошая мебель, они, конечно, все испортили бы, – поэтому здесь стояли только простые стулья с соломенными сиденьями и деревянные скамьи, а пол был выстлан плитками, и сколько бы раз в день его ни мели, он никогда не был чистым. По комнате тучей носились мухи; в огромном очаге, увешанном крючьями всевозможных размеров, круглый год, днем и ночью, пылал огонь; и летом это помещение было невыносимо. Однако семья проводила здесь все свое время. Когда Марсель провели в соседнюю комнату, она с удовольствием увидела, что в этой своего рода гостиной вполне чисто, хотя ее отделявали уже год тому назад. Комната была обставлена с дешевой роскошью, свойственной гостиным постоялых дворов. Новый паркет еще не был навощен и натерт, пестрые ситцевые занавеси были прикреплены аляповатыми медными бляхами, и часы с двумя подсвечниками на камине своим кричащим безобразием не уступали этой грубой имитации стиля Возрождения. Богато отделанный золоченой бронзой круглый столик, за которым в будущем предполагали пить кофе, стоял обернутый бумагой и завязанный бечевкой. Мебель была покрыта чехлами в белую и красную клетку, и обивке ее из шерстяного дама предстояло износиться, не увидев света, и так как на фермах еще не знают разницы между гостиной и спальней, то тут же, по обеим сторонам двери, изголовьем к стене, стояли две кровати красного дерева, без полога. В доме шептались о том, что это будет брачная комната Розы.

Госпоже де Бланшмон очень не понравился этот дом, и она решила, что не будет здесь жить. Она заявила, что не хочет причинять своим хозяевам беспокойство, и если в старом замке не найдется жилой комнаты, она приищет в деревушке какой-нибудь крестьянский домик, в котором можно будет поселиться. Эта мысль, казалось, встревожила госпожу Бриколен, и она не пожалела красок, чтобы отговорить свою гостью.

– Конечно, – сказала она, – в старом замке всегда сохранялась так называемая комната хозяина. Когда господин барон, ваш покойный супруг, оказывал нам честь своим посещением, он заранее уведомлял о приезде, и мы все убрали, чтобы ему не было там очень уж неудобно. Но в этом злосчастном замке так мрачно, так все обветшало! Крысы и ночные птицы поднимают страшный гам, крыша еле держится, а стены так расшатаны, что даже небезопасно спать там. Я не знаю, почему господину барону так нравилась эта комната, но он ни за что

не хотел останавливаться у нас, словно почитал для себя унижительным провести ночь не под кровлей своего родового замка.

– Я пойду посмотрю эту комнату, – сказала Марсель, – и если только крыша цела – это все, что мне надо. А пока, умоляю вас, ничего не переставляйте у себя. Я никоим образом не хочу быть вам в тягость.

Роза предлагала уступить свою спальню в таких любезных выражениях и с такой приветливой улыбкой, что Марсель поблагодарила ее, ласково пожав ей руку, но решения своего не переменяла. Вид нового замка и неприязненное чувство к госпоже Бриколен заставили ее решительно отказаться от приглашения, хотя накануне она охотно приняла гостеприимство мельника. Она все еще отбивалась от надоедливых уговоров фермерши, когда вошел господин Бриколен.

VIII

Разбогатевший крестьянин

Господин Бриколен был крепкий благообразный мужчина лет пятидесяти. Но его когда-то мускулистое тело приобрело теперь излишнюю тучность, как это бывает обычно у зажиточных крестьян, проводящих весь день на открытом воздухе, почти не сходя с лошади, и ведущих деятельную, но не обремененную трудом жизнь, которая утомляет их ровно настолько, чтобы поддерживать отличное здоровье и превосходный аппетит. Благотворное действие деревенского воздуха и постоянное движение некоторое время помогают этим людям безнаказанно переносить излишества в пище; однако, увидев их в поле, вы с первого же взгляда отличите их от крестьян, хотя они одеты почти одинаково. Тогда как крестьянин худощав и строен и лицо его покрыто загаром, придающим ему какую-то своеобразную красоту, – у деревенского буржуа уже к сорока годам появляется толстое брюхо, тяжелая походка и багровый цвет лица, отчего даже самая красивая внешность становится грубой и безобразной.

У тех, кто нажил состояние своим трудом, а до того принужден был вести скудную жизнь крестьянина, тучность и нездоровый цвет лица почти неизбежны. Наблюдения показали, что как только крестьянин начинает есть мясо и пить вволю вино, он становится неспособным к тяжелому труду, а

возврат к прежнему образу жизни неминуемо приводит к ранней смерти. Можно сказать, что деньги входят в его плоть и кровь, что он привязывается к ним душой и телом и, лишившись богатства, роковым образом погибает или сходит с ума. Никакие идеи служения человечеству, никакие религиозные убеждения несовместимы с тем коренным переворотом, который произвело в его физическом и духовном естестве это сытое существование. И напрасно мы будем возмущаться этим. Он не может быть другим. Он жиреет до того, что кончает смертью от удара или впадает в слабоумие. Его способность добывать и накапливать богатство, которая вначале проявляется с такой силой, к середине его деятельности начинает постепенно притупляться, и, нажив состояние с необычайной ловкостью и быстротой, он вскоре теряет вкус к наживе и становится вялым, нерадивым, распущенным. Благотворное влияние социальных идей и стремление к прогрессу совершенно недоступно этим людям. Вся их жизнь сводится к заботе о желудке, а богатство, добытое с такой настойчивостью, не успев упрочиться, претерпевает тысячи злоключений и очень часто висит на волоске из-за неумелого ведения дел, не говоря уж о тщеславии, которое заставляет их пускаться в рискованные предприятия, превышающие их денежные возможности; таким образом, все эти богачи почти всегда разоряются как раз к тому времени, когда начинают возбуждать наибольшую зависть.

Господин Бриколен не дошел еще до такого состояния. Он был в том возрасте, когда способность и воля к деятельности могут еще бороться против невоздержанности и тщеславия. Но стоило посмотреть на морщинки вокруг его глаз, на огромный живот, на лоснящийся нос, на нервную дрожь рук – последствия утренней порции, то есть двух бутылок белого вина, выпиваемых натошак вместо кофе, – чтобы предсказать, что недалеко то время, когда этот человек, встающий с рассветом, такой бодрый, предусмотрительный и беспощадный в деловых отношениях, потеряет здоровье, память, рассудок и даже твердость характера и превратится в жалкого пьяницу, несносного болтуна и легковерного хозяина.

Лицо Бриколена, когда-то красивое, было лишено всякого благородства. Тупой нос и резко выступающий подбородок выдавали недюжинную энергию и страшную алчность. У него были черные глаза, живые и колючие, чувственный рот, низкий лоб, курчавые волосы, быстрая и отрывистая речь. В его взгляде не было и намека на лживость, а в манере обращения – ни малейшего лицемерия. Он ни в каком случае не был человеком нечестным; чрезмерное уважение к тому, что в современном обществе называют «мое» и «твое», делали его совершенно неспособным к обману. Кроме того, он был так откровенен в своей

жадности, что не находил нужным скрывать свои намерения, и когда заявлял своему брату: «Мои интересы заставляют меня идти наперекор твоим», то хотел показать, что поступает согласно своему священнейшему праву и, предупреждая его, совершает акт высокой честности.

Наполовину буржуа, наполовину деревенщина, он по праздникам щеголял в какой-то странной одежде, не то крестьянского, не то городского покроя. Тулья его шляпы была ниже, чем носили обычно в деревне, а поля уже, чем у горожан; в серой блузе с поясом, собранной у короткой талии, он напоминал обитую обручами бочку; от его обуви несло стойким запахом конюшни, а черный шелковый галстук лоснился от жира. Этот человек, неотесанный и грубый, произвел на Марсель неприятное впечатление, а его бесконечные разговоры, все время вертевшиеся вокруг денег, понравились ей еще меньше, чем притворная любезность его супруги.

Вот краткое содержание двухчасовой болтовни, которую ей пришлось выслушать от Бриколена: поместье Бланшмон было заложено в сумме, равной доброй трети его стоимости. Кроме того, покойный барон перебрал немало денег вперед в счет аренды, под огромные проценты, которые Бриколен вынужден был потребовать от него, потому что доставать деньги было крайне трудно, а процент, установленный местными ростовщиками, очень высок. Если госпожа де Бланшмон намерена сохранить тот порядок ведения дел, на какой она уполномочила своего супруга, то ей придется принять еще более жесткие условия или же, прежде чем требовать выдачи доходов, погасить отсроченные платежи, как основной долг, так и проценты и проценты на проценты, что составит сумму свыше ста тысяч франков. Что касается остальных заимодавцев, то они хотят или полностью получить обратно свои ссуды, или оставить их целиком в качестве вложенного капитала. Стало быть, необходимо или продать землю, или немедленно найти требуемые деньги; стоимость земли выражается в сумме восьмьсот тысяч франков, долгу на ней четыреста тысяч франков, не считая долга Бриколену; таким образом, триста тысяч – это все, чем сейчас может располагать госпожа де Бланшмон, помимо того, что оставил господин Бланшмон сыну, но оставил ли он вообще что-либо, об этом она еще не была осведомлена.

Марсель никак не думала, что разорена до такой степени; она и наполовину не предвидела размеров катастрофы. Займодавцы еще не предъявили требований об уплате. Будучи солидно обеспечены залоговыми документами, они ждали, – и прежде всего ждал сам Бриколен, – чтобы госпожа де Бланшмон ознакомилась

с положением дел и они могли бы потребовать от нее или уплаты полностью следуемых им денег, или же продолжения выплаты процентов, дающих им прочный доход. Когда госпожа де Бланшмон спросила у Бриколена, почему он за весь месяц ее вдовства не потрудился сообщить ей о состоянии ее дел, он заявил ей с присущей ему грубой откровенностью, что у него не было никаких оснований торопиться с этим, что его долговое обязательство в порядке и что каждый день такого безучастного отношения к делу со стороны владельца приносит ему доход и дает возможность положить в карман проценты на капитал, ничем не рискуя. Этот резонный довод сразу же раскрыл Марсели истинный моральный облик Бриколена.

– Конечно, – сказала она, улыбнувшись с иронией, которую фермер не удостоил внимания. – Я вижу, что сама виновата в том, что каждый истекший день поглощает больше, чем дает доход, на который, как мне казалось, я могла рассчитывать. Но, соблюдая интересы моего сына, я должна положить конец такому положению дел и жду, что вы, господин Бриколен, дадите мне добрый совет на этот счет.

Бриколен был весьма удивлен спокойствием, с каким госпожа де Бланшмон выслушала сообщение, что она почти разорена, и еще больше тем, как она доверчиво обращается к нему за советом. Он пристально посмотрел на нее и прочел на ее невозмутимом лице как бы насмешливый вызов его алчности.

– Я вижу, что вы искушаете меня, но я не желаю, чтобы ваши родственники меня ругали. Еще, пожалуй, будут говорить, что я заодно с ростовщиками. Мне надо с вами серьезно потолковать, но здесь стены слишком тонкие, а то, что я хочу вам сообщить, незачем предавать огласке. Сделайте вид, будто идете вместе со мной осматривать старый замок, и там я скажу вам, во-первых, что бы я посоветовал вам, будь я на месте ваших родственников; во-вторых – что мне, как вашему кредитору, желательно получить от вас. А затем уж вы сами решите, есть ли еще третий выход. Думаю, что нет.

Если бы старый замок не был окружен зарослями крапивы, зловонным стоячим болотом и кучами мусора, что производило впечатление отталкивающего беспорядка и запустения, то развалины его были бы довольно живописны. Остатки рва, поросшего высоким камышом, пышный плющ, обвивающий доверху фасад замка, обрыв, над которым причудливо свисали ветви дикой вишни, – все это было не лишено поэзии. Бриколен показал Марсели комнату, в которой ее муж жил обычно во время своих наездов. Здесь еще сохранились остатки мебели

времен Людовика XVI, грязной и полинявшей. Однако комната казалась обитаемой, и госпожа де Бланшмон решила переночевать в ней.

– Это, понятно, обидит мою жену, она считает за честь принять вас в своем новом доме, – сказал Бриколен, – но, по-моему, нет ничего хуже, как надоедать людям. Если старый замок вам нравится, то, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет. Я велю перенести сюда ваши вещи. Можно в комнате рядом поставить складную кровать для вашей горничной. А пока я расскажу вам подробно о делах. Этого, госпожа де Бланшмон, не следует откладывать.

И, пододвинув кресло, Бриколен уселся и начал так:

– Прежде всего позвольте мне спросить, имеется ли у вас какое-либо другое имущество, кроме Бланшмона? Как будто нет, насколько мне известно.

– У меня лично нет ничего, – ответила Марсель спокойно.

– И вы рассчитываете, что сыну вашему достанется от отца большое наследство?

– Я ничего не знаю; если владения господина де Бланшмон так же обременены долгами, как мои...

– Ах, вы ничего не знаете? Значит, вы не занимаетесь своими делами? Странно! Впрочем, все знатные господа таковы. А я обязан знать ваше положение, этого требует мое ремесло и мои интересы. Так вот, заметив, что покойный господин барон живет не по средствам и, не предвидя, что он умрет так рано, я должен был удостовериться, какой ущерб нанес он своему имуществу, и предупредить займы, которые в один прекрасный день превысили бы стоимость его земель и лишили бы меня обеспечения. Я поставил на ноги верных людей, заставил их все это выведать, и теперь я знаю с точностью до одного су, что осталось вашему малышу на нынешний день.

– Так сделайте одолжение и расскажите мне все, господин Бриколен.

– Дело не трудное, вы сами можете все проверить; самое большое, если я ошибаюсь на каких-нибудь десять тысяч. Все состояние вашего мужа в недвижимом имуществе, оно исчисляется в миллион франков, причем из них

следует уплатить не то девятьсот восемьдесят, не то девятьсот девяносто тысяч долга.

– Следовательно, у моего сына ничего нет? – сказала Марсель, пораженная этим новым открытием.

– Пожалуй, что так. С тем, что имеется у вас, он все-таки получит когда-нибудь триста тысяч франков. Это будет не так уж плохо, если вы решите все привести в порядок, распродав, что следует. Земля может давать шесть или семь тысяч ливров ренты. Если же вы решите все промотать, будет еще проще.

– Я не имею намерения губить будущность сына. Мой долг – найти по возможности выход из того затруднительного положения, в котором я нахожусь.

– В таком случае выслушайте меня. Его и ваша земля приносит два процента дохода. Вы платите по долговым обязательствам пятнадцать или двадцать процентов; при накоплении процентов вы будете без конца увеличивать долг. Что же вы думаете делать?

– Придется продать, не правда ли?

– Это как вам угодно. Я считаю, что это будет к вашей выгоде, если только вы, имея в течение долгого времени в своем распоряжении имущество сына, не предпочтете воспользоваться этой неразберихой в своих интересах.

– Нет, господин Бриколен, я не намерена поступить так.

– Но вы могли бы еще извлечь кое-какой доход из этого имущества; и так как у ребенка пока живы еще дед и бабка, от которых он получит наследство, то ко времени своего совершеннолетия он может и не оказаться банкротом.

– Все это вполне резонно, – сказала Марсель холодно, – но я хочу поступить совершенно иначе. Я продам все, чтобы долги по наследству не превысили капитала, а что касается моей доли, то я должна рассчитаться с долгами, чтобы иметь возможность дать сыну хорошее воспитание.

– Стало быть, вы хотите продать Бланшмон?

– Да, господин Бриколен, и притом немедленно.

– Немедленно? Ну еще бы: когда находишься в вашем положении и хочешь выйти из него чистым, без долгов, нельзя терять ни одного дня, потому что с каждым днем дыра в кошелек становится все больше. Но вы думаете, что так легко будет продать такие обширные земельные угодья немедленно, будь то целиком или по частям? Это все равно, как если бы я сказал, что можно за сутки построить замок вроде этого, да еще крепкий, чтобы он простоял пятьсот – шестьсот лет. Знайте же, что в нынешние дни капитал делает большие обороты только в промышленности, на железных дорогах и в других крупных предприятиях, где можно получить или потерять сто на сто. Что же касается земельного имущества, то тут уж черта с два! У нас тут все хотят продать, и никто не хочет покупать, – всем надоело зарывать в землю большие деньги, чтобы получать грошовые доходы. Хорошо иметь землю тем, кто на ней живет, как я к примеру, кто на ней работает и копит денежки, рассчитывая каждую копейку. Но для вас, горожан, это доход ничтожный. Вот почему на имение стоимостью тысяч в пятьдесят, самое большое сто, сразу найдутся охотники, тогда как поместье, за которое надо заплатить восемьсот тысяч, превышает наши возможности, и вам придется поискать через контору вашего нотариуса в Париже какого-нибудь капиталиста, который не знает, куда девать деньги. Вы думаете, много таких найдется в нынешние дни, когда можно играть на бирже, в рулетку, вложить свой капитал в копи, железные дороги, городские участки и в тысячу всяких других крупных предприятий? Значит, вам надо найти какого-нибудь напуганного старого дворянина, который в страхе перед революцией предпочитает получать на свой капитал два процента, чем пускаться в рискованные спекуляции, которые нынче так прельщают всех. Кроме того, надо, чтобы при усадьбе был хороший жилой дом, где бы старый рантье мог поселиться и доживать свой век. А вы видите, каков ваш замок? Я бы не взял его и на снос, потому что труд, потраченный на это дело, не окупился бы ни трухой, в которую превратились балки, ни рассыпающимся в порошок щебнем. Итак, если вы дадите объявление о продаже земли, возможно, что вам повезет сбыть ее целиком в ближайшие дни, но может статься, что вы прождете лет десять, ибо, пусть ваш нотариус сколько угодно говорит и печатает в своих объявлениях, как это принято, что земля приносит три – три с половиной процента, стоит только заглянуть в мой арендный договор, и станет ясно, что, за вычетом налогов, она не даст и двух.

– Ваш договор был, по-видимому, заключен в соответствии с теми суммами, которые вы давали господину де Бланшмон вперед? – спросила Марсель с улыбкой.

– Само собой разумеется, – ответил Бриколен, не смущаясь. – И договор подписан на двадцать лет; один год уже прошел, остается девятнадцать. Вам это хорошо известно, вы его подписали, хотя возможно, что вы его и не прочли... Что ж, я тут ни при чем.

– Да я никого и не виню. Следовательно, я не могу продать имение целиком, а только по частям?

– По частям вы продадите легко, по хорошей цене; но дело в том, что вам не заплатят.

– Это почему же?

– Потому что вам придется продавать сразу большому количеству людей, из которых многие будут неплатежеспособны; скажем, крестьянам, которые в лучшем случае станут расплачиваться небольшими суммами в течение долгого времени, а от самых бедных, которые соблазняются иметь собственный клочок земли, как это у них водится в нынешние дни, вам придется лет через десять взять ее обратно, не получив никакой пользы. Ведь вам надоест их теревить!

– Да я никогда и не стану этого делать. Итак, по-вашему выходит, что я не могу ни продать, ни сохранить имение?

– Если хотите поступить благоразумно – продать недорого, но получить наличными, у меня есть покупатель.

– Кто же это?

– Я сам.

– Вы, господин Бриколен?

– Да, я, Никола-Этьен Бриколен.

– В самом деле, – сказала Марсель, вспомнив в эту минуту слова, случайно вырвавшиеся у мельника из Анжибо, – я слыхала об этом. А что вы предлагаете?

– Я договорюсь с вашими заимодавцами, раздроблю землю на участки, одним продам, у других куплю, возьму себе то, что мне подходит, и выплачу вам – что останется.

– А кредиторам вы тоже уплатите наличными? Вы ужасно богаты, господин Бриколен!

– Да нет, они у меня подождут, но вас я так или иначе от них избавлю.

– Мне показалось, что они все хотят немедленно получить деньги; ведь вы мне так говорили?

– С вас бы они требовали, а мне окажут кредит.

– Они правы, я, очевидно, числюсь у них неплатежеспособной.

– Возможно. В нынешние дни люди очень недоверчивы. Так вот, госпожа де Бланшмон, вы мне должны сто тысяч франков, я вам даю двести пятьдесят – и мы в расчете.

– Иначе говоря, вы хотите заплатить двести пятьдесят тысяч за то, что стоит триста?

– Этот маленький лишек вы, по справедливости, должны бы мне предоставить: ведь я плачу наличными. Вы можете возразить, что, раз у меня есть деньги, мне не придется платить процентов. Но это и к вашей выгоде – получить готовые денежки, тогда как, еще немного помешкав, вы можете остаться на бобах.

– Значит, вы хотите воспользоваться моим затруднительным положением, чтобы оттянуть шестую часть той ничтожной суммы, которая у меня осталась?

– Это мое право, и всякий другой на моем месте взял бы больше. Будьте уверены, что я по возможности соблюдаю ваши интересы. Так вот вам мое первое и последнее слово! Подумайте об этом.

– Да, господин Бриколен, мне кажется, что об этом надо подумать.

– Еще бы, черт возьми! Прежде всего вы должны убедиться в том, что я вас не обманываю и что я сам не ошибаюсь ни насчет вашего положения, ни насчет стоимости вашего имущества. Вы сейчас здесь, на месте, можете обо всем разузнать, все сами увидеть, вам даже не мешает посмотреть земли вашего мужа под Ле-Бланом, – и, когда вы будете обо всем осведомлены, то есть примерно через месяц, вы дадите мне ответ. Но только вы можете спокойно принять сделанное мною предложение, произведя подсчет на основании представленных мною данных; проверки я не боюсь. Во-первых, вы можете продать то, что у вас останется, вдвое дороже, чем я вам предлагаю, – но вам не получить наличными и половины или надо будет ждать десять лет, в течение которых вам придется уплатить такие проценты, что у вас ничего не останется; во-вторых, вы можете продать мне, потеряв одну шестую, – и получить ровно через три месяца двести пятьдесят тысяч франков золотом, серебром или же банковыми билетами, по вашему выбору. Ну, я все сказал! А теперь, через часок, приходите отобедать с нами. Не стесняйтесь, будьте как дома. Слышите, госпожа баронесса? Мы с вами люди деловые, и если вы не потребуете другой надбавки, то это недорого обойдется.

Отношения, которые установились между госпожой де Бланшмон и Бриколенами, заставили ее отбросить щепетильность и принять приглашение. Она выразила согласие, но, в ожидании обеда, пожелала остаться в замке, чтобы написать письмо. Бриколен ушел, обещая прислать ее слуг и вещи.

IX

Неожиданный друг

Оставшись одна, Марсель задумалась над создавшимся положением и вдруг поняла, что любовь вдохнула в нее такую энергию, на которую она без этого всесильного чувства не была бы, вероятно, способна. С первого взгляда этот мрачный замок – единственное жилище, каким она еще владела, – немного испугал ее. Но, узнав, что и эта развалина вскоре перестанет ей принадлежать, она, разглядывая его с равнодушным любопытством, невольно улыбнулась. Щиты с ее фамильными гербами по-прежнему украшали выступы огромных каминов.

«Итак, – подумала она, – я скоро окончательно порву с моим прошлым. В нынешние дни, как говорит этот Бриколен, дворянство разоряется и сходит на нет. Но ты, Господи, по великой милости Твоей сотворил любовь – вечную и бессмертную, как Ты сам!»

Вошла Сюзетта с дорожным несессером, который понадобился ее госпоже, чтобы написать письма. Открывая его, Марсель случайно взглянула на горничную. Девушка смотрела на голые стены старого замка с таким испуганным видом, что Марсель не могла удержаться от смеха. Сюзетта еще больше нахмурилась.

– Значит, вы, сударыня, – сказала она, и в голосе ее зазвучало настоящее возмущение, – решили ночевать здесь?

– Как видите! – ответила Марсель. – А вот и ваша комната, оттуда прекрасный вид и там много воздуха.

– Я зам очень признательна, сударыня, но напрасно вы думаете, что я стану здесь спать. Мне тут и среди бела дня страшно, что же будет ночью? Говорят, здесь ходят привидения, и я вполне этому верю.

– Вы с ума сошли, Сюзетта! Я защищу вас от привидений.

– Будьте так добры, сударыня, и позовите сюда на ночь какую-нибудь служанку с фермы, а я готова хоть пешком уйти из этого ужасного места...

– Вы слишком пугливы. Я не хочу принуждать вас, можете ночевать, где хотите. Однако имейте в виду, что, если вы будете постоянно отказываться от своих обязанностей, мне придется расстаться с вами.

– Если вы, сударыня, рассчитываете долго пробыть в этих местах и жить в такой развалине...

– Я вынуждена провести здесь месяц, а может быть и больше; что вы на это скажете?

– Я попрошу вас, сударыня, отправить меня обратно в Париж или в какое-либо другое ваше поместье, не то, ей-богу, не пройдет и трех дней, как я умру здесь.

– Милая Сюзетта, – сказала Марсель очень ласково, – у меня нет других поместий, и я, вероятно, больше не буду жить в Париже. Я потеряла все свое состояние, и мне, возможно, придется вскоре расстаться с вами. Если вам так не нравится здесь, то нет смысла удерживать вас. Я уплачу вам жалованье и проезд. Повозка, в которой мы приехали сюда, еще тут. Я дам вам хорошую рекомендацию, и мои родственники помогут вам найти место.

– Но неужели, сударыня, вы думаете, что я соглашусь пуститься в такой путь одна? Надо же было, в самом деле, везти меня в эту глушь!

– Я не знала, что я разорена, мне только сейчас сказали об этом, – спокойно ответила Марсель, – и вы напрасно упрекаете меня, я не хотела причинять вам эту неприятность... А поедете вы не одна: вместе с вами вернется в Париж и Лапьер.

– Вы увольняете и Лапьера, сударыня? – вскричала в ужасе Сюзетта.

– Я его не увольняю, а возвращаю своей свекрови, которая уступила мне его, и теперь она с удовольствием возьмет обратно этого доброго старого слугу. Ступайте обедать, Сюзетта, и готовьтесь к отъезду.

Смущенная хладнокровием и кротким спокойствием своей госпожи, Сюзетта разразилась слезами. В невольном порыве теплых чувств она стала умолять Марсель простить ее и оставить у себя.

– Нет, моя милая, – ответила Марсель, – мне теперь не по средствам платить вам жалованье. Я жалею о вас, несмотря на ваш нрав, может быть, и вы пожалеете обо мне, несмотря на мои недостатки. Но это неизбежная жертва, и сейчас не время предаваться слабости.

– Но как же вы-то будете, сударыня? Без средств, без прислуги, с маленьким ребенком на руках, в таком захолустье! А бедняжка Эдуард?

– Не огорчайтесь, Сюзетта; вы, наверно, найдете место у кого-нибудь из моих знакомых. Мы еще встретимся, и вы еще увидите Эдуарда. Только не плачьте при нем, умоляю вас!

Сюзетта вышла. Но не успела Марсель обмакнуть перо, как перед ней появился Большой Луи, неся на одной руке Эдуарда, а на другой – спальный мешок.

– Ах, – сказала Марсель, когда он посадил ребенка к ней на колени, – вы все думаете, как бы мне услужить, господин Луи? Я очень рада, что вы еще не уехали. Я не успела как следует поблагодарить вас, и мне было бы жаль не попрощаться с вами.

– Нет, я все еще здесь, – отвечал мельник, – и, сказать по правде, не очень-то тороплюсь уехать. Но вот что, сударыня, если вам все равно, не величайте меня господином. Никакой я не господин, и такие церемонии с вашей стороны меня смущают! Называйте меня просто Луи, или Большой Луи, как все меня зовут.

– Но позвольте вам заметить, что это противоречит идеям равенства и, судя по тому, как вы рассуждали сегодня утром...

– Сегодня утром я вел себя, как скотина, как лошадь, как лошадь мельника, что еще хуже. У меня было какое-то предубеждение... виною тому ваша знатность... или ваш муж... что ли? И если бы вы называли меня Луи, я бы, пожалуй, стал звать вас... Как ваше имя?

– Марсель.

– Хорошее имя, госпожа Марсель! Ну, что ж! Я так и буду вас называть; по крайней мере мне не придется вспоминать господина барона.

– Но если я не буду называть вас господином, то вам надо называть меня просто Марсель, – сказала госпожа де Бланшмон смеясь.

– Нет, нет, вы женщина... и женщина, каких немного, черт побери!.. Послушайте, я не стану скрывать, вы запали мне в душу, особенно с тех пор...

– С каких же это пор, Большой Луи? – Она уже начала письмо и невнимательно слушала мельника.

– С тех пор, как вы разговаривали с вашей горничной, вот только что. Я был здесь, на лестнице, с вашим сынишкой, – он разыгрался и не пускал меня, шалун этакий, – тут я волей-неволей и слышал все, что вы говорили. Вы уж меня простите!

– Что ж в этом дурного? – сказала Марсель. – Мое положение не секрет, раз я посвятила в него Сюзетту, а кроме того, я убеждена, что вам можно доверить любую тайну.

– Ваша тайна хранилась бы у меня в сердце, – ответил мельник, тронутый словами Марсели. – Так, значит, вы узнали о своем разорении, только приехав сюда?

– Да, я раньше ничего не знала. Мне только сейчас сообщил об этом господин Бриколен. Я надеялась, что мне придется только покрыть убытки, вот и все.

– И это вас так мало огорчает?

Марсель продолжала писать и не ответила мельнику, но немного погодя, взглянув на него, увидела, что он стоит, скрестив руки, и смотрит на нее с каким-то наивным восторгом и глубоким изумлением.

– Вас удивляет, что, потеряв состояние, можно не потерять голову? Но ведь мне на жизнь хватит.

– Сколько у вас осталось, мне приблизительно известно. Я знаю ваши дела не хуже, чем вы: папаша Бриколен, заправившись, любит поболтать и мне об них все уши прожужжал, еще когда меня это нисколько не трогало. Но я, видите ли, не об этом, я о том, что женщина смотрит, как у нее ухнул с одной стороны миллион, с другой – полмиллиона... вот так... в мгновение ока... и даже бровью не поведет! Этого мне еще не случалось видеть, и это мне непонятно!

– Вас еще больше удивит, если я вам скажу, что лично я даже рада...

– Да, но вы забываете о сыне! – сказал мельник, понизив голос, чтобы ребенок, игравший рядом, его не услышал.

– В первую минуту это меня немного испугало, – призналась Марсель, – но я тут же утешилась. Я уже давно думаю о том, какое несчастье родиться богатой и быть обреченной на праздность; замкнувшись в своем эгоизме, возбуждать ненависть в бедняках, – и все это безнаказанно, потому что вы богаты. Я часто жалела, что я не дочь и не мать рабочего. Теперь, Луи, я буду с народом, и такие люди, как вы, перестанут чуждаться меня.

– Ну, положим, вы еще не будете с народом, – сказал мельник, – у вас остается такое состояние, какое человеку из народа и не снилось, тогда как для вас это безделица. Притом у вашего ребенка богатые родственники, и они не позволят воспитывать его в бедности. Так что все это, госпожа Марсель, пустые фантазии. Но, бог мой, откуда у вас такие идеи? Не иначе как вы святая, черт меня побери! Я диву даюсь, слыша от вас такие речи, тогда как все другие богачи спят и видят, чтобы еще больше разбогатеть. Я впервые вижу человека, подобного вам. И много еще у вас в Париже знати и богачей, которые думают так же, как вы?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Couarde (фр.) – робкая, трусливая, – река названа так потому, что ее течение скрыто в кустах, словно она боится, как бы ее не увидели. Этот беззвучно струящийся темный, узкий и глубокий ручей, как говорят крестьяне, весьма

коварен, несмотря на то, что невелик. – Tarde – медлительная – другая, тихая и ленивая, река, орошающая чудесную долину.

2

Камень мертвых – камень с углублением у подножия креста, куда каждая проходящая погребальная процессия кладет грубо вырезанный деревянный крестик. (Примеч. автора.)

Комментарии

1

Соланж ***. – Роман посвящен дочери Жорж Санд, Соланж Дюдеван. Жорж Санд верила, что только следующему поколению суждено обрести истину. «Пусть придет царство истины. Я верю в нее, хотя хорошо знаю, что ее царство будет не для того поколения, в котором живу я», – пишет она Сент-Беву в письме от 7 июля 1845 г.

2

Роман «Мельник из Анжибо» был написан Жорж Санд в 1844 году. Некоторые исследователи утверждают, что первоначальное название романа было «Пролетарий». В. Каренин в известной работе о Жорж Санд считает, что она хотела назвать роман «На сегодня» (или «По теперешним временам»; французское просторечие «Au jour d'aujourd'hui» не имеет точного эквивалента в русском языке), воспроизведя любимое выражение одного из героев романа, деревенского богача Бриколена.

Согласно договору от 30 апреля 1844 года, роман должен был появиться в газете «Конститусьонель», как и предыдущее произведение Жорж Санд «Жанна». Но издатель газеты Луи Верон, испуганный слишком смелыми социальными тенденциями романа, отказался его печатать. Тогда писательница предлагает свое произведение редактору газеты «Реформ» Луи Блану, социалисту и республиканцу, взгляды которого были во многом близки Жорж Санд. «Я знаю только одного буржуа, который действительно предан народу всем сердцем, – пишет она в одном из писем. – Это Луи Блан, молодой человек, обладающий прекрасным талантом и очень одаренный». В этой газете «Мельник из Анжибо» и печатается отдельными фельетонами с 21 января по 19 марта.

Белинский называл Жорж Санд одним из создателей социального романа во Франции. «Мельник из Анжибо» – произведение, где судьбы героев, разработка характеров, движение сюжета, – все подчинено раскрытию четко обозначенной общественной проблемы. Недаром первоначальное название романа подчеркивало его злободневность.

В это время Жорж Санд увлекается философией П. Леру и сотрудничает в его «Ревю Эндепандант», активно участвует в создании газеты «Эклерер де л'Эндр», призванной сыграть оппозиционную роль по отношению к правительственному печатному органу в Берри, где, как известно, находилось имение Жорж Санд – Ноан. Она пишет целый ряд статей, посвященных политическим и социальным вопросам: положению народа, соотношению действия и теории в перестройке общественной жизни, организации общества на принципах справедливости, равенства и добра.

По существу те же идеи нашли отражение в романе «Мельник из Анжибо». Молодая аристократка Марсель де Бланшесмон хочет отказаться от состояния, унаследованного ею и ее сыном; известие о том, что она разорена, даже радует ее; деньги, которые после многих испытаний все же ей достаются, она делит со своими друзьями-крестьянами, чтобы организовать что-то вроде общины, каждый член которой будет трудиться на благо всех остальных и где все будут счастливы.

И хотя для Жорж Санд это был только один, и даже не самый важный, способ борьбы за прекрасное будущее, она была убеждена, что честный человек должен воплощать в жизнь все, что может способствовать прогрессу.

Поступок Марсели – это протест против эгоистических устремлений общества, управляемого «новой аристократией – дворянством кошелька». «Не будем завидовать тем, кому удастся быть счастливым среди несчастий!.. Чем радоваться с ними, я предпочла бы страдать еще больше, чем страдала», – восклицает Жорж Санд в одном из писем.

Разногласия между различными социальными доктринами казались Жорж Санд борьбой сект, которые тратят время на споры, но не в состоянии сделать что-либо в реальной действительности. Истина должна быть открыта не сухим рассуждением, но сердцем, если оно не отвергнуто обществом, основанным на угнетении. Таков путь Марсели, и в этом она противопоставлена своему возлюбленному Лемору.

Лемор ищет теорию, которая сразу открыла бы истину. Пока же эта теория не найдена, его ум, запутавшийся в противоречиях, заставляет его отказываться от жизни и любви и парализует всякую деятельность.

Жорж Санд не могла полностью принять ни одно из существовавших тогда учений утопического социализма, хотя выдвинутая Шарлем Фурье идея создания фаланг в какой-то мере отразилась в «Мельнике из Анжибо». Но она была убеждена, что настоящее счастье заключается в том, чтобы трудиться на пользу другим.

Особое значение получают вопросы воспитания. Ребенок не должен быть развращен богатством и праздностью. Лемор говорит Марсели: «Оградим же твоего сына от зла, насколько это будет в наших силах, привьем ему любовь к добру и стремление к истине! Его поколение, быть может, откроет ее».

Надежда Жорж Санд на будущее опиралась на ее глубокую веру в народ, в его силу, разум и органически присущее ему чувство справедливости. Он сам поднимется, когда придет время, сломает все старое и отжившее и найдет истину. Даже самый сильный и благородный ум может увидеть ее только смутно, потому что он одинок. Истина станет очевидной лишь тогда, когда к ней будут стремиться все. «Сейчас не то время, когда великие люди облагораживают умы своих современников. Теперь массы просвещают великие умы», – утверждает Жорж Санд.

Развивая идеи, высказанные многими историками еще в эпоху Реставрации, Жорж Санд полагает, что только народ способен ощутить «потребности эпохи», и поэтому никому, кроме него самого, не дано знать, пришло ли время великой революции. Он ее «желает, торопит, возвещает и совершит», но не потому, что понимает законы общественного развития, а благодаря чувству, инстинкту.

Политическая ситуация в стране только укрепляла это убеждение. Либеральная партия, оппозиционная по отношению к режиму Июльской монархии, не хотела, да и не могла бы предпринять решительные меры для переустройства общества. Жорж Санд хорошо это понимала.

Воплощением истинного народного духа в романе выступает мельник Большой Луи. Он наделен душевным благородством, ясным умом, здравым смыслом, верностью в любви и дружбе. Его достоинства – не только его личные качества. Они присущи ему как представителю лучшей части французского народа. Таковы же его мать-мельничиха и бедная крестьянка Пьолетта.

Противопоставление Большого Луи и Лемора еще более очевидно, чем Лемора и Марсели. Именно под влиянием Луи Лемор возвращается к Марсели и проникается идеями тем более справедливыми, что они «естественны».

Жорж Санд признавала, что образ Большого Луи несколько идеализирован. Обращаясь к рабочему поэту Шарлю Понси, она пишет: «Изображайте всегда народ, его душу и его ум, не таким, каким он, по большей части, является сейчас, а таким, каким он должен быть, каким он будет, благодаря... тем, кто раздувает священный огонь, который дремлет в нем вот уже шесть тысяч лет».

В изображении мельника Луи Жорж Санд использовала свой эстетический принцип «воплощать идеальный мир в мире реальном». Для Жорж Санд идеал – понятие, не оторванное от реальности, не выдуманное, но порожденное самой жизнью. Когда художник рисует свой идеал, современникам кажется, что это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Но когда идеал осуществляется, оказывается, что жизнь далеко превзошла догадки художника. Поэтому художник не может слепо копировать действительность, она должна быть озарена «светом истины». Этот свет и позволил Жорж Санд увидеть в простых людях черты и качества человека будущего и нарисовать мельника Луи, «представителя живых сил и благородных инстинктов простого народа во Франции» (Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. IX. М., 1955. С. 408.).

Этим же эстетическим принципом руководствовалась Жорж Санд и в изображении Марсели де Бланшмон и Анри Лемора. Белинский упрекал автора в том, что эти герои не соответствуют требованиям художественного романа, потому что они – «мечтатели, переслащенные до приторности». Жорж Санд хотела показать, как могут поступить те представители господствующего класса, которые осознали несправедливость всего общественного строя. Действительно, немногие из среды, к которой принадлежала Жорж Санд, с такой решительностью следовали своим убеждениям. И все-таки эти идеализированные герои, по словам Чернышевского, производили «сильное и благородное впечатление, противодействуя господствующей мелочности, холодности и пошлomu бездушию» (Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. III. М., 1947. С. 342.).

Самый жизненный персонаж «Мельника из Анжибо» – богатый арендатор Бриколен с его страстью к наживе, человек, нашедший себя в атмосфере Июльской монархии. Он утверждает: «На сегодня все идет к лучшему: всякий может наживаться, и ничего лучшего никогда не изобретут». Бриколен совершенно реален и вместе с тем типичен для той эпохи. В письме к издателю Жорж Санд писала: «Взгляните, не покажется ли он вам слишком тривиальным. Мне-то представляется, что он неплох: он оригинален именно потому, что зауряден».

Белинский отмечал реальность этого образа, а Герцен приводил его имя как нарицательное для того, чтобы обозначить алчность, скупость, страсть к обогащению.

«Мельник из Анжибо» – произведение, в котором автор скорее обрисовал насущные проблемы современности, чем решил их. Но, по глубокому убеждению Жорж Санд, писатель не может оставаться в стороне от того, что волнует общество. Именно поэтому роман вызвал одобрение русских революционных демократов.

В 1845 году «Мельник из Анжибо» выходит сразу в двух русских издательствах, а в 1846 году появляется рецензия Белинского («Отечественные записки», 1846, т. 44, № 1–2). В наше время роман вошел во второй том Избранных сочинений Жорж Санд (1950), в 1958 году был издан отдельной книгой, а в 1973 году в составе Собрания сочинений.

3

Гризетка – от французского слова «grisette» – та, что носит скромное серое платье. Во французской буржуазной литературе – тип городской девушки-работницы мастерских или магазинов.

4

«Замок Коризанды». – «Коризанда» – трехактная комическая опера Оноре-Франсуа-Мари де Лангле (1741–1807), поставленная в Опере в 1791 г. Сюжет взят из поэмы Вольтера «Орлеанская девственница».

5

Буцефал – любимый конь Александра Македонского.

6

...«наслаждался этим способом передвижения», как говорил старик Лафонтен – слегка измененная строчка из басни Лафонтена «Мельник, его сын и осел».

7

...над дверью нет ни остролиста, ни дрека. – В 1557 г. Генрих III издал эдикт, по которому владельцам постоянных дворов предписывалось иметь вывески вместо пучка веток, как было принято с давних времен. Но обычай прикреплять взамен

вывески зелень к воротам или к специальному шесту сохранился, особенно в деревнях.

8

Льежский альманах – один из самых старых альманахов во Франции, составленный в 1636 г. Матье Ленсбергом. В нем содержатся незамысловатые истории, ничем не подтвержденные прогнозы погоды и другие малодостоверные сведения. Чтение Льежского альманаха характеризует уровень развития четы Бриколенов.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/zhorzh-sand/mel-nik-iz-anzhibo>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)